

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 169
ПОЛКА 2
№ 168.

КЛАВИГО,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ГОСПОДИНА ГЕТЕ,

переведена съ Нѣмецкаго.

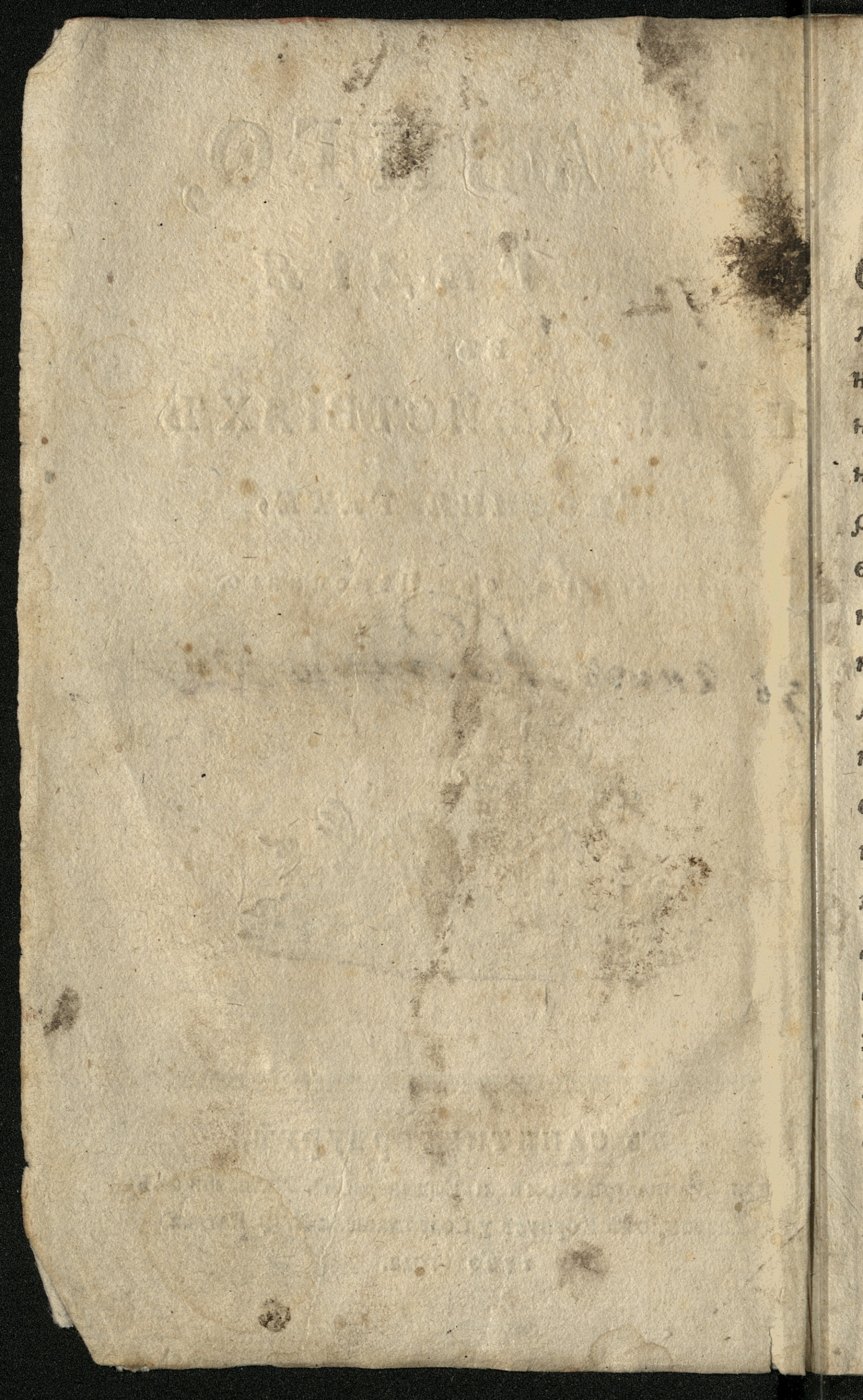

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетскомъ Кадетскомъ Корпусѣ у Содержателя Х. Ф. Клеэна.

1780 года.

Содержаніе сея трагедіи основано на произшествіи, случившемся съ господиномъ Бомарше въ 1764 году въ Испаніи, которое онъ самъ и описалъ; описаніе сіе нынѣ и на Россійскій языкъ переведено и напечатано въ ежемѣсячномъ, великія похвалы достойномъ, изданіи, называемомъ Санктпетербургскій Вѣстникъ. Я залишнее почитаю здѣсь предложить пространное извѣстіе о сочинителѣ сея трагедіи и о достоинствахъ его; ибо онѣ всѣмъ любителямъ словесныхъ наукъ уже извѣстны. Страданія младаго Вертера, прекрасное произведеніе его пера пріобрѣло ему великую славу и сравняло его съ лутчими писателями Германіи, такъ какъ и сія трагедія заслужила отъ всѣхъ знающихъ людей великую похвалу.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Клавиго, хранитель королевской архивы.

Карлосъ, другъ его.

Г. де Бомарше.

Марія де Бомарше.

Софія Гильбертъ, урожденная де Бомарше.

Гильбертъ, мужъ ея.

Буенко.

Сентъ - Жоржъ.

Дѣйствіе въ Мадритѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КОМНАТА ВЪ КЛАВИГОВОМЪ ДОМѢ.

Клавиго. Карлосъ.

Клавиго, (*вставая изъ за стола, на которомъ чернильница, бумаги и нѣсколько книгъ*) Листокъ сей будетъ имѣть хорошій успѣхъ, онъ всѣхъ женщинъ приведетъ въ восхищеніе. Скажи мнѣ, Карлосъ, мое еженедѣльное изданіе не изъ лучшихъ ли теперь въ Европѣ?

Карлосъ. По крайней мѣрѣ мы Испанцы, не имѣемъ новѣйшаго писателя, соединяющаго толь великія мысли и толь живое воображе-

ніе

нiе, съ толь блистательнымъ и легкимъ слогомъ.

Клавиго Постой! я буду со временемъ въ здѣшнемъ народѣ установителемъ хорошаго вкуса Люди склонны принимать всякiя впечатлѣнiя, а я здѣсь въ славѣ, и сограждане мои имѣютъ ко мнѣ довѣренность, да между нами сказано, и знанiя мои ежедневно умножаются, разумъ мой распространяется, а слогъ мой становится чище и важнѣе.

Карлосъ. Очень хорошо, Клавиго! но не погнѣвайся, что сочиненiе твое мнѣ казалось гораздо лучше, которое ты писалъ къ ногамъ Марiи, тогда, какъ еще сiе любезное и веселое творенiе имѣло въ дѣла твои влiянiе; все то изданiе, я не знаю отъ чего, было нежнѣе и прiятнѣе.

Клавиго. То было доброе время, Карлосъ, но оно миновалось Я тебѣ охотно признаюсь, что я тогда писалъ съ откровеннѣйшимъ сердцемъ, и то правда, что она имѣла великое участiе въ похвалѣ, которою публика меня съ начала удостоила; но наконецъ женщины наскучаютъ, да ты Карлосъ, не первый ли былъ, который меня въ намѣренiи моемъ ее оставить, утвердилъ?

Карлосъ. Тебѣ бы она конечно надоѣла. Все одно, да одно. Теперь я думаю, время тебѣ подумать о новомъ расположенiи твоей

жизни; на одномъ то мѣстѣ стоять, кажется не весело.

Клавиго. Цѣль моихъ расположенiй есть дворъ, а тутъ дремать ненадобно. Недовольноли скоро я произошолъ для чужестраннаго, прибывшаго сюда безъ чину, безъ имяни, безъ достатка? Здѣсь у двора! между толпою людей, гдѣ очень трудно быть примѣтну? Я чрезвычайное удовольствiе чувствую, какъ посмотрю на прошедшее. Любимъ перьвыми людьми государства! почитаемъ по моему чину и наукамъ! хранитель Королевской архивы! Карлосъ! все сiе гонитъ меня въ передъ, и я бы ничего не значилъ, ежели бы остался тѣмъ, что я есмь теперь! Въ верьхъ! въ верьхъ! а тутъ сколько труда и хитрости! тутъ надобенъ весь разсудокъ, а женщины! женщины! сколько время теряемъ мы съ вами по пустому!

Карлосъ. Безразсудный! ты самъ тому виною. Я безъ женщинъ жить не могу, но мнѣ онѣ ни въ чемъ не мѣшаютъ, я и не расказываю нимъ столько прiятностей, и не мучусь съ ними по мѣсяцу, разсужденiями и тому подобнымъ; а съ честными дѣвицами въ знакомство входить я не люблю. Наговоришся съ ними скоро, а тамъ нѣкоторое время проволочишся, и лишь только чуть покороче познакомился, то у нихъ и замужство въ голо-

вѣ, и чортъ выдернетъ ихъ съ свадебными предложенiями, которыхъ я боюсь какъ чумы. — Ты въ мысляхъ Клавиго?

Клавиго. Я не могу избавиться отъ воспоминанiя, что я Марiю оставилъ — обманулъ, назови сiе какъ хочешъ.

Карлосъ. Удивительно! Мнѣ кажется, мы живемъ на свѣтѣ единожды, имѣемъ сiи способности, сiи виды, единожды же, и кто ими къ лучшему, сколько возможно невоспользуется, тотъ безуменъ; а женится! женится въ самое то время какъ начинаешъ жить, завестись домомъ, себя ограничить непройдя половины своего пути, не окончивъ половины своихъ предпрiятiй! Что ты ее любилъ, то было естественно, что ты ей слово далъ на ней жениться, то было дурачество, а ежели бы ты сiе слово сдержалъ, то было бы бѣшенство.

Клавиго. Я право человѣческихъ свойствъ не понимаю. Я ее въ самомъ дѣлѣ любилъ, она меня къ себѣ привлекла, она меня привязала, и будучи у ея ногъ, клялся я ей, клялся я самому себѣ, что ето вѣчно продолжится, что я буду въ ея объятiяхъ, лишь только буду имѣтъ мѣсто, чинъ, а теперь, Карлосъ!

Карлосъ. Тогда какъ ты состоянiе твое сдѣлаешъ и достигнешъ желаемаго конца, тогда еще время тебѣ довольно будетъ искать

щастiе

щестіе свое совершить и утвердить оное, соединеніемъ, выгодною женидбою, съ знатнымъ и богатымъ домомъ.

Клавиго. Она исчезла! совсемъ изъ моего сердца исчезла! кабы только нещастіе ея никогда въ мысль мнѣ не приходило — Какъ мы перемѣнны!

Карлосъ. Удивительно бы было, ежели бы мы постоянны были. Посмотри, не всели въ свѣтѣ перемѣняется, такъ для чегоже страстямъ нашимъ вѣчными оставаться? Будь покоенъ, она не первая дѣвица, которая оставлена, и не первая, которая успокоится. Ежели ты хочешъ моего совѣта послушать, то та вдова, что живетъ противъ —

Клавиго. Ты знаешь, что я таковыхъ предложеніевъ не люблю; любовь, которая не сама собою придетъ, не можетъ меня плѣнить.

Карлосъ. О вы нѣжные люди!

Клавиго. Оставь сіе и не забудь, что главнѣйшее наше упражненіе долженствуетъ быть въ томъ, чтобы сдѣлаться намъ нужными у новаго министра. Что Валь правленіе Индійскихъ дѣлъ оставляетъ, то для насъ дурно. Правда, я въ прочемъ ничего не опасаюсь, вліяніе его въ дѣла остается — Гримальди съ нимъ друженъ, а мы умѣемъ говорить и кланятся.

Карлосъ. И дѣлать, что намъ хочется.

Клавиго. То то и главное дѣло на свѣтѣ. *(Звонитъ и отдаетъ пришедшему лакею бумагу)* Отнеси листъ етотъ въ типографію.

Карлосъ. Можно ли тебя видѣть вечеромъ?

Клавиго. Не очень удобно. Ты можешь напередъ прислать спросить.

Карлосъ. Мнѣ хочется сего дня въ вечеру что нибудь такое затѣить, чтобъ развеселится; послѣ обѣда надобно мнѣ писать. Сему конца не будетъ.

Клавиго. Нетужи! ежели бы мы не за многихъ работали, то бы толь многихъ и не обошли.

(Уходятъ а театръ перемѣняется)

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ГИЛБЕРТА.

Софія Гильбертъ. Марія де Бомарше. Буенко.

Буенко. Вы конечно безпокойно почивали?

Софія. Я вчерась вечеру ей предсказала. Она была черезвычайно весела и проговорила до двенатцатаго часа, и разгорячилась такъ, что не могла уснуть, а теперь она задыхается и плачетъ все утро.

Марія

Марїа. Что братъ не ѣдитъ? ужъ два дни за срокъ.

Софїя. Имѣй только терпѣнїе, онъ конечно будетъ.

Марїя. (*Вставая*) Какъ не терпѣливо я его хочу видѣть, сего брата, судью, защитителя моего! я чуть его помню.

Софїя. А я его очень живо вообразить могу, онъ былъ горячїй, острый и добрый мальчикъ тринатцати лѣтъ, какъ отецъ нашъ, сюды насъ отправилъ.

Марїя. Благородная, великая душа! Ты читалаль писмо, которое онъ ко мнѣ написалъ, какъ узналъ о моемъ нещастїи? Каждое слово впечатлѣлось въ мое сердце. Ежели ты виновна, пишетъ онъ, то не ожидай прощенїя; сверхъ твоего нещастїя, упадетъ на тебя пренебреженїе братнино и проклятїе отцовское. Не винна ты? о тогда мщенїе самое лютѣйшее, пылающее мщенїе на измѣнника — я трепещу. Онъ приѣдетъ. Трепещу не за себ:, я стою въ невинности предъ богомъ. — Друзья мои, вы должны — я не знаю сама чего желаю! О Клавиго!

Софїя. Ты не слушаешся! ты себя уморишь.

Марїя. Я успокоюсь и не буду плакать! Мнѣ кажется у меня и слезъ болѣе нѣтъ; да и

на

на что мнѣ слезы? мнѣ только чувствительно, что я жизнь вашу огорчаю; истинно! о чемъ сокрушаюсь я? Много имѣла я удовольствія, какъ еще старый нашъ другъ живъ былъ. Клавигова любовь меня очень льстила, можетъ быть болѣе нежели моя его. А нынѣ? — чтожъ? что ему нужды до меня? что ему нужды, что сердце мое страдаетъ, и бѣдная младая жизнь моя изтекаетъ?

Буенко. Бога ради сударыня!

Марія. Равноли то ему, что онъ уже меня не любитъ? Ахъ! почто уже болѣе и я нелюбезна? Но ему надобно меня сожалѣть! сожалѣть! что та нещастная, которую онъ къ себѣ такъ привязалъ, нынѣ безъ него жизнь свою волочитъ, оплакиваетъ — Сожалѣть! нѣтъ такимъ человѣкомъ, я не хочу быть сожалѣема.

Софія. Кабы я тебя могла приучить, пренебрегать сего бездѣльника, достойнаго твоея ненависти!

Марія. Нѣтъ сестрица, онъ не бездѣльникъ, да должнали я того пренебрегать, кого я ненавижу? — Ненавижу! да! я иногда его ненавижу, иногда, какъ Испанскій духъ мною обладаетъ. Недавно, недавно, какъ мы встрѣтились, взоръ его произвелъ во мнѣ нѣжнѣйшую, теплѣйшую любовь; а какъ я возвратилась домой, и вспомнила его поведеніе, покойный

ный и холодный его взорЪ, который онЪ на меня кинулЪ, идучи сЪ блестящей Донной; тогда я была сердцемЪ моимЪ Испанка, схватила кинжалЪ, взяля сЪ собою яду, и переодѣлась. Ты Буенко, ужасаешся? Все сїе разумѣется, происходило вЪ мысляхЪ.

Софїя. Какая странная! — —

Марїя. Воображенїе мое влекло меня за нимЪ, я его зрѣла, какЪ онЪ у ногЪ своей новой любовницы наиласкательнѣйшїя выраженїя истощалЪ, которыми онЪ меня уязвилЪ, я хотѣла поразить вѣроломнаго вЪ сердце! АхЪ Буенко! — ВдругЪ явилась я опять добросердечною Француженкою невѣдающею ни яду для любви, ни кинжаловЪ кЪ мщенїю. Мы вЪ дурномЪ положенїи! Для увеселенїя любовниковЪ у насЪ пѣнїи, а для наказанїя развѣ только одни веєры, и когда они намЪ невѣрны! — Скажи сестрица, что дѣлаютЪ во Францїи, когда любовники измѣняютЪ?

Софїя. ИхЪ проклинаютЪ.

Марїя. И?

Софїя. ОставляютЪ.

Марїя. ОставляютЪ, такЪ для чего неоставить мнѣ Клавиго? Когда сїе вЪ обыкновенїи у ФранцузовЪ, то для чегоже сему не быть и у ИспанцовЪ? Для чего не быть Француженкѣ вЪ Испанїи Француженкою? Оставимъ

вимъ его и возмемъ другова; мнѣ кажется и у насъ такъ водится.

Буенко. Онъ торжественное обѣщаніе нарушилъ, а нелехкомысленное увѣреніе, которое бываетъ въ романахъ. Вы сударыня до глубинны вашего сердца обижены и оскорбленны. Мнѣ состояніе ничего незначущаго Мадритскаго мѣщанина никогда такъ тягостно и несносно не было, какъ нынѣ, чувствуя себя слабымъ и не въ силахъ воономъ за васъ сему придворному вѣроломцу отмстить.

Марія. Тогда, какъ онъ только былъ Клавиго, а не хранитель королевской архивы, какъ онъ еще былъ здѣсь чужестранный новопріѣзжій, представленный въ нашемъ домѣ, какъ онъ тогда былъ любезенъ! добръ! все его честолюбіе, все его стараніе казалось быть произведеніемъ любви. Для меня онъ искалъ имяни, чину, достатка, все то получилъ, а я —

Гильбертъ приходитъ.

Гильбертъ. (*Тихо женѣ своей*) Братъ пріѣхалъ.

Марія. Братъ! (*она трепещетъ и ее сажаютъ въ креслы*) гдѣ? гдѣ онъ? приведите его ко мнѣ, поведите меня къ нему.

Бомарше. Приходитъ.

Бомарше. Сестры мои! (*отъ большой бросается къ меншой*) сестра! сестра! друзья мои! о любезныя сестры!

Марія.

Марія. Ты здѣсь, слава богу! ты здѣсь.

Бомарше. Дай мнѣ опамятоваться.

Марія. Мое сердце! мое бѣдное сердце!

Софія. Успокойся братецъ; я надѣялась тебя спокойнѣе увидѣть.

Бомарше. Покойнѣе! чтожъ, развѣ вы покойны? развѣ смятенный ея видъ, твои заплаканные глаза, тоска изображенная на блѣдномъ лицѣ твоемъ и мертвое молчаніе друзей вашихъ, не показываютъ мнѣ, что вы такъ нещастны, какъ я себѣ во всю дальную сію дорогу представлялъ — и еще нещастнѣе — потому что я васъ вижу, я тебя въ объятіяхъ моихъ держу, присутствіе твое сестра усугубляетъ мое чувствованіе!

Софія. А отецъ нашъ?

Бомарше. Онъ васъ и меня благословляетъ, ежели я вамъ помогу.

Буенко. Государь мой, позвольте мнѣ вамъ хотя и незнакомому, но узнавающему въ васъ при первомъ взорѣ благороднаго и честнаго человѣка, вамъ на дѣлѣ показать то усерднѣйшее участіе, которое я въ семъ дѣлѣ пріемлю; вы сударь изъ такой отдаленности пріѣхали сестрицу вашу защитить и отмстить ея злодѣю! Это похвально и я вамъ хорошій успѣхъ желаю, хотя вы насъ симъ поступкомъ въ стыдъ приводите.

Бомарше. Я надѣялся, государь мой, таковыхъ людей, каковы Вы, найтить въ Испаніи, и сіе то меня сбодрило, сей путь предпринять. Нигдѣ, нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ недостатка въ соболѣзнующихъ въ учавствующихъ душахъ, лишь бы только одинъ показался, котораго обстоятельства дозволяютъ слѣдовать своему предпріятію; а я, друзья мои, имѣю духъ наполненный надеждою: повсюду есть честные люди, между сильными и знатными, да и монаршее ухо рѣдко намъ не внемлетъ, а только голосъ нашъ по большой части слабъ до онаго достигнуть.

Софія. Пойдемъ сестрица! пойдемъ, лягъ хоть наминуту успокоиться. — *Она внѣ себя* (*ее уводятъ*).

Марія (*идучи*) Дражайшій братъ!

Бомарше. Дай боже! чтобы ты была невинна, тогда все, все мщеніе падетъ на измѣнника. (*Марія и Софія уходятъ*).

Бомарше. Любезный братъ! друзья мои! я вижу по лицу вашему, что вы мнѣ друзья, дайте мнѣ въ себя притти. А потомъ! Безпристрастное сказаніе всего произшествія опредѣлитъ мое поведеніе. Чувствованіе справедливости укрѣпитъ меня въ моемъ предпріятіи, и будте увѣрены, что ежели мы правы, то и правосудіе найдемъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КОМНАТА ВЪ КЛАВИГОВОМЪ ДОМѢ.

Клавиго одинъ, а потомъ лакей.

Клавиго. Кто то такіе тѣ Французы, что ко мнѣ хотятъ быть? — Французы! нѣкогда былъ мнѣ сей народъ пріятенъ! Для чегожъ и не теперь? Удивително! Человѣкъ пренебрегающій толикое множество предразсужденій, совсемъ тѣмъ не можетъ иной мысли избавится. Пустое. — Развѣ я Маріѣ болѣ долженъ, нежели самому себѣ? Развѣ я долженъ себя сдѣлать нещастливымъ для того, что она меня любитъ?

Лакей (*входитъ*). Гости сударь.

Клавиго. Введи ихъ сюды; сказалъ ли ты ихъ человѣку, что я ихъ къ завтраку ожидаю?

Лакей. Сказалъ сударь, такъ какъ вы приказать изволили.

Клавиго. Я тотчасъ приду. (*Уходитъ*)

де Бомарше. Сентъ Жоржъ.

(*Лакей поставя стулья уходитъ*)

Бомарше. Какъ я доволенъ! какъ мнѣ пріятно, любезный другъ! что я наконецъ

 здѣсь

здѣсь, что онъ мнѣ попался, онъ у меня не вырвется. Ты будь покоенъ, по крайней мѣрѣ покажи ему равнодушное лице. Сестра! сестра! кпобы думалъ, что ты столько же невинна какъ нещастна! оно будетъ всему свѣту извѣстно и ты будешъ жесточайшимъ образомъ отмщенна; а ты премилосердый Боже! поддержи спокойствіе души моей, которое ты теперь мнѣ даровалъ, дабы я въ ужаснѣйшей скорби со всею тѣрпеливостію и со всевозможною осторожностію поступалъ.

Сентъ-Жоръ. Всю осторожность, любезный другъ, всѣ умствованія, какія ты когда нибудь употреблялъ, надлежитъ тебѣ привести нынѣ въ дѣйство. Вспомни, гдѣ ты теперь находишся, ты теперъ въ государствѣ, въ которомъ всѣ твои покровители, всѣ твои деньги не въ состояніи тебя защитить отъ ухищреніевъ гнусныхъ злодѣевъ.

Бомарше. Будь покоенъ. Сыграй ты твою ролю хорошо, онъ не узнаетъ, съ кѣмъ онъ изъ насъ, дѣло имѣть долженъ. Я его буду мучить; я весьма расположенъ сего дня сего непотребнаго, тихимъ огнемъ терзать.

Клавиго Приходитъ.

Клавиго. Милостивые государи, я очень радуюсь видѣть у себя людей того государства, которое я всегда почиталъ.

Бомарше. И мы, милостивый государь, желаемъ удостоится той чести, которую вы нашему отечеству дѣлать изволите.

Сентъ-Жоржъ. Удовольствiе васъ узнать, преодолѣло наше сомнѣнiе, что мы васъ посещенiемъ нашимъ обезпокоимъ.

Клавиго. Людямъ, которыхъ достоинства изъ перваго взора видны, не довлѣетъ въ семъ сомнѣваться.

Бомарше. Всеконечно для васъ не удивительно, что вы незнакомыми посѣщаемы бываете, когда вы въ чужикъ гусударствахъ преизящностiю вашихъ сочиненiй прославились, такъ какъ и въ отечествѣ вашемъ отличились знатною должностiю, которую его королевское Величество вамъ поручилъ.

Клавиго. Король очень милостивъ ко мнѣ за мои толь малые услуги, а публика очень снисходительна, за сей ничего незначущей опытъ моего пера; я бы желалъ нѣкоторымъ образомъ быть участникомъ въ поправленiи вкуса моихъ сограждан и въ распространенiи между ими наукъ. Единственно науки связуютъ насъ съ другими государствами, дѣлаютъ намъ отдаленнѣйшихъ людей прiятелями и содержатъ прiятнѣйшее согласiе и между тѣми, которые къ сожалѣнiю, иногда по политическимъ обстоятельствамъ во враждѣ находятся.

Бомарше. Весьма пріятно слышать человѣка такъ разсуждающаго, который равное имѣетъ вліяніе въ дѣла, какъ до государства, такъ и до наукъ касательныя; да я и признаюсь, что вы меня въ просьбѣ моей предъупредили и привели меня на то, что бы я вамъ открылся, зачемъ вы меня у себя видите. Нѣкоторое общество достойныхъ ученыхъ людей поручило мнѣ, во всѣхъ городахъ, чрезъ которые мнѣ проѣзжать случится, и гдѣ я удобный случай найду, учредить ученую переписку съ ученѣйшими людьми государства. А какъ изъ Испанцовъ никто не пишетъ лутче сочинителя еженедѣльнаго изданія называемаго: Размышляющій, съ которымъ я нынѣ честь имѣю говорить.

Клавиго. (*поклоненіемъ благодаритъ*)

Бомарше. И который соединивъ съ своими дорованіями столько знанія потребнаго въ свѣтѣ, можетъ назватся украшеніемъ ученыхъ людей; онъ конечно взойдетъ на ту блестящую степень, которую свойства его и знанія заслуживаютъ. Я думаю весьма услужить пріятелямъ моимъ, познакомивъ ихъ съ такимъ человѣкомъ.

Клавиго. Никакое предложеніе, государи мои, не можетъ мнѣ быть пріятнѣе сего; я вижу, что чрезъ сіе исполнится мое желаніе, которымъ я уже давно занимался, не зря ему успѣха.

успѣха. Не для того, чтобы я думалъ перепискою моею желанie ученыхъ вашихъ прiятелей исполнить; толь далеко тщеславie мое не простирается. Но имѣя щастie быть сопряженну съ лутчими людьми Испанiи, и будучи свѣдущъ обо всемъ, что въ пространномъ нашемъ королевствѣ частными, а иногда и въ неизвѣстности живущими людьми, въ наукахъ и художествахъ дѣлается, былъ я по сie время подобенъ продавцу, который изобрѣтенiя другихъ доставляетъ къ общему употребленiю, а теперь буду я вашимъ посредствомъ подобенъ знаменитому купцу, имѣющему щастie, мѣною внутреннихъ произведенiй, на внѣшнiя, славу отечества распространять, и сверьхъ того оное обогащать чуждыми сокровищами. И такъ позвольте государь мой, съ человѣкомъ, сказавшимъ, мнѣ толь прiятные вѣсти, не такъ какъ съ чужестраннымъ обращатся; позвольте спросить какое дѣло, какая нужда побудила васъ предпрiять сей дальный путь? Не для того, чтобы я хотѣлъ удовольствовать чрезъ сie мое любопытство: нѣтъ, будьте увѣрены, что я сie болѣе для того спросилъ, чтобы употребить мои силы и тотъ малый случай, который я имѣю, въ вашу пользу; я вамъ сказаваю напередъ, что здѣсь чужестранному, въ производствѣ какого дѣла, а особливо у двора, весьма много затрудненiевъ встретится.

Бомарше. Толь благосклонныя предложенія я пріемлю съ благодареніемъ. Я ничего предъ вами, государь мой, не утаю, и сей мой пріятель не будетъ лишнимъ при моемъ сказаніи, ему довольно все то извѣстно, что я вамъ расказавать буду.

Клавиго (*осматриваетъ Сентъ-Жоржа съ примѣчаніемъ*).

Бомарше. Нѣкоторый Французскій купецъ, имѣющій очень много дѣтей при посредственномъ имѣніи, имѣлъ многихъ корреспондентовъ въ Испаніи. Одинъ изъ нихъ богатѣе другихъ, пріѣхалъ, пятнатцать лѣтъ тому назадъ, въ Парижъ и предложилъ ему, чтобъ онъ отпустилъ съ нимъ двухъ изъ своихъ дочерей; я, говорилъ онъ, отвезу ихъ въ Мадритъ, и ихъ тамъ пристрою; я холостъ, старъ и безроденъ, онѣ утѣшеніемъ будутъ моей старости, а по смерти моей оставлю я имъ въ наслѣдство, знатный торгъ въ Испаніи. Старшая и одна изъ младчихъ дочерей были ему препоручены. Отецъ ихъ взялся, домъ сего Испанца, снабжать всякими Французскими товарами, какие потребны будутъ; и такъ текло все изрядно до того, какъ корреспондентъ умеръ не сдѣланъ ничего въ пользу француженокъ, которые принуждены были для содержанія себя, завести собственный торгъ. Старшая между тѣмъ вышла за мужъ, и не

взирая

взирая на весьма посредственное имѣнїе, доброе поведенїе и прїятность ихъ разума прїобрѣли имъ множество друзей, и онѣ взаимно старались довѣренность и торгъ ихъ умножить.

Клавиго (вниманїе свое усугубляетъ).

Бомарше. Около сего времяни нѣкоторый молодой человѣкъ, родомъ изъ Канарскихъ острововъ, былъ къ нимъ въ домъ представленъ.

Клавиго (теряетъ весь свой веселыи видъ и безпокоиство его виднѣе становится).

Бомарше Не взирая на бѣдное его состоянїе, онѣ его приняли благосклонно. Госпожи сїи видя въ немъ великое желанїе обучится Французскому языку, употребили всѣ средства въ прїобрѣтенїи ему скорыхъ успѣховъ.

Наполненъ желанїемъ себя прославить вздумалъ онъ сдѣлать Мадриту удовольствїе, до того совсемъ неизвѣстное Испанскому народу, сочиненїемъ еженедѣльныхъ листовъ во вкусъ Аглинскаго зрителя. Прїятельницы его дѣлаютъ ему всяческое ободренїе и вспоможенїе, и сумнѣватся было не льзя, чтобъ таковое предпрїятїе не имѣло успѣха; и такъ ободренный надеждою поправить свое состоянїе, осмѣливается онъ сватать за себя младшую изъ сихъ француженокъ. Его обнадеживаютъ,

ваютъ: старайтесь щастїе себѣ сдѣлать, сказала ему старшая, и когда чинъ, покровительство двора, или другое средство, дастъ вамъ право помышлять о сестрѣ моей, тогда если она васъ другимъ женихамъ предпочтетъ, и я на ваше желанїе соглашусь.

Клавиго (*въ чрезвычайномъ смятенїи двигается сидя на стулѣ*)

Бомарше. Младшая отказываетъ многимъ для нее выгоднымъ женихамъ; склонность ея къ сему человѣку умножаетъ и облехчаетъ ея ожиданїе невѣрнаго еще исполненїя; она въ его щестїи беретъ самое тоже участїе какъ въ собственномъ своемъ и ободряетъ его выдать первый листъ его еженедѣльнаго изданїя, которое и вышло подъ заглавїемъ весьма много обѣщающимъ.

Клавиго (*въ ужасномъ беспокойствїи*)

Бомарше (*продолжаетъ все съ холоднымъ видомъ.*) Сочиненїе имѣло чрезвычайный успѣхъ; самъ Король довольный симъ прекраснымъ произведенїемъ, оказалъ сочинителю явные знаки своего благоволенїя. Ему обѣщали дать первое хорошее мѣсто въ службѣ, которое очистится. Тогда отдалилъ онъ всѣхъ своихъ соперниковъ отъ своей любовницы, открытымъ сватовствомъ. Свадьба отложена была до полученїя обѣщаннаго мѣста. — На конецъ по шестилѣтнемъ со стороны дѣви-

цы,

цы, ожиданіи непрерывной дружбы вспоможенія и любви, а со стороны сего человѣка преданности, стараній и клятвъ мѣсто нашлося — а женихъ исчезъ. —

Клавиго (*Тутъ противъ воли своей вздохнулъ и стараясь скрыть находиться внѣ себя*)

Бомарше. Дѣло сіе съ лишкомъ явно было, чтобы на окончаніе онаго было можно съ равнодушіемъ смотрѣть. Домъ былъ уже для двухъ фамилій нанятъ, и весь городъ говорилъ о томъ. Сей поступокъ всѣхъ ихъ пріятелей раздражилъ и они искали мщенія; они прибѣгли къ сильнымъ своимъ милостивцамъ; но сей негодный, обращаяся уже въ придворныхъ ухищреніяхъ, старался дѣлать всѣ исканія ихъ безплодными и безчинство его простиралось толь далеко, что онъ дерзнулъ угрожать нещастной, дерзнулъ сказать въ глаза пріятелямъ посѣщающимъ его: если сіи француженки осмѣлются что нибудь противъ него предпріять, то чтобъ онѣ знали, что ему не трудно ихъ погубить въ такой землѣ, гдѣ онѣ безпомощны.

Бѣдная сія дѣвица услыша сіе такъ занемогла, что жизнь ея была въ крайней опасности. Въ глубочайшей ихъ горести старшая описала во Францію о явномъ безчестіи имъ учиненномъ; сіе извѣстіе поразило ихъ

брата толь сильно, что онъ пошелъ въ отставку, дабы въ семъ дѣлѣ сестрамъ своимъ самолично помощь подать, и изъ Парижа въ Мадритъ прискакалъ и сей братъ — я, который все оставилъ, отечество, должность, родню, имѣніе, веселія, дабы въ Испаніи отмстить невинную и нещастную сестру.

Я пріѣхалъ вооруженный справедливостію и твердостію, открыть всѣмъ измѣнника, начертать кровію его душу на лице его, а измѣнникъ сей — ты!

Клавиго. Выслушайте меня государь мой, — Я — Я — Я не сомнѣваюсь —

Бомарше. Не перебивайте моихъ словъ, вамъ нѣчего мнѣ сказать, а отъ меня есть чего послушать. И такъ прежде всего прошу обьявить предъ симъ господиномъ, пріѣхавшимъ нарочно для сего со мною изъ Франціи, вѣроломствомъ ли, легкомысліемъ ли, слабостію ли, безчинствомъ ли, или инымъ проступкомъ сестра моя заслужила сіе явное отъ васъ оскорбленіе?

Клавиго. Нѣтъ государь мой, ваша сестрица Донна Марія наполнена разумомъ, пріятностію и добродѣтелію.

Бомарше. Не подала ли она вамъ во время вашего съ ней знакомства, причины къ негодованію или презрѣнію?

Клавиго. Нѣтъ! никогда!

Бомарше (вставая). Такъ для чегоже, чудовище! былъ ты такъ жестосердъ и повергнулъ ее ко гробу? не затоли, что сердце ея предпочло тебя многимъ, которые тебя честнѣе и богатѣе?

Клавиго. Ахъ государь мой! естьли бы вы знали, колико я былъ раздраженъ совѣтами, обстоятельствами —

Бомарше. Довольно. (*Сентъ - Жоржу*). Вы слышали оправдание сестры моей, подите обнародуйте оное, что я сему господину еще сказать имѣю, не требуетъ свидѣтелей.

(*Клавиго встаетъ, а Сентъ - Жоржъ уходитъ*).

Бомарше. Сидите! сидите сударь! (*онъ оба садятся*). Теперь сдѣлаю я вамъ предложение и надѣюсь, что вы оное примите за благо.

Какъ ваши, такъ и мои обстоятельства, недозволяютъ вамъ женится на сестрѣ моей, и вы я думаю чувствуете, что я сюда не затѣмъ приѣхалъ, чтобы представить, какъ въ комедіи, брата, который оную окончитъ, выдавъ сестру свою за мужъ. Вы съ холодною кровію оскорбили честную дѣвицу, для того, что почитали ее въ чужой землѣ безъ помощною и безъ мстителей. Такъ поступаютъ безчестные люди, и бездѣльники. И такъ прежде

же всего напишите вы своеручно, при полной свободѣ, при растворенныхъ дверяхъ, въ присудствіи вашихъ людей: что вы прегнусный человѣкъ, который сестру мою обманулъ, ей измѣнилъ безъ всякой причины и ее обезчестилъ; и съ симъто объявленіемъ поѣду я въ Аранжуецъ, гдѣ нашъ посолъ находится, покажу ему оное, велю его напечатать, а послѣ завтре будетъ дворъ и городъ весь, сими листками наполнены. Я имѣю здѣсь знатныхъ предстателей, довольно времяни и денегъ, и все сіе употреблю къ всяческому гоненію вашему до тѣхъ поръ, пока гнѣвъ сестры моей неукратится и меня въ томъ не остановитъ.

Клазиго. Я вамъ такого объявленія ненапишу.

Бомарше. Сему я вѣрю, и я можетъ быть будучи на вашемъ мѣстѣ, не сдѣлалъ бы сего. Но вотъ другое предложеніе: если вы сего ненапишите, то я съ сей минуты останусь съ вами, я васъ не оставлю, повсюду за вами ходить буду, доколѣ вы наскучивъ такимъ товарищемъ, постараитесь за Буенретиро освободится отъ меня. Если я васъ буду щастливѣе, то не видавъ посла, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, подхвачу умирающую сестру, посажу ее въ коляску и возвращуся съ нею во Францію; если же судьба будетъ вамъ благосклонна, тогда вы можете на нашъ щотъ сме-

смѣятся; я все съ моей стороны сдѣлалъ; но между тѣмъ велите подать завтракъ!

(Бомарше звонитъ, лакей приноситъ шеколадъ; Бомарше беретъ свою чашку и прогуливается осматривая картины).

Клавиго. Увы! — увы! — сїе тебя постигло поразило какъ младенца, — гдѣ ты, Клавиго? Какъ сїе окончаешъ? Какъ ты сїе можешъ окончать? Ужасное положенїе, въ которое тебя ввергло твое безумїе, твое вѣроломство! (*беретъ шпагу лежащую на столѣ*) а! короче всего! — (*покидаетъ ее*) — такъ иной дороги, инаго средства нѣтъ, какъ смерть — или убїйство, гнуснѣйшее убїйство — лишить нещастнѣйшую сїю, послѣдняго ея утѣшенїя, единственной ея помощи, ея брата! — видѣть кровь сего благороднаго, честнаго человѣка! и потомъ на себя сугубое, несносное навлечь проклятїе разрушеннаго семейства! — Не такой конецъ предвидѣлъ я, какъ сїе любезное существо въ первые минуты нашего знакомства, прелестями своими, привлекло меня къ себѣ! Оставляя ее не предчувствовалъ ли ты ужаснѣйшїя слѣдствїя твоего злодѣянїя! — Какое блаженство ожидало тебя въ ея объятїяхъ! въ дружбѣ такого брата! — Марїя! Марїя! о если бы ты простить мнѣ могла, если бы я могъ все сїе у ногъ твоихъ

оплакать! — а для чего же не льзя! — Надежда ободряетъ мою душу! — государь мой!

Бомарше. Что вы намѣрены учинить?

Клавиго. Послушайте меня! Ничто неможетъ извинить поступка моего противъ сестрицы вашей. Тщеславіе меня погубило; я опасался чрезъ сію женидьбу расположенія и виды моего честолюбія разрушить. Если бы я зналъ, что она имѣетъ такого брата, то бы она не была въ глазахъ моихъ ничего незначущею чужестранкою, и я бы могъ отъ сего супружества ожидать великіе выгоды. Вы вселили, государь мой, въ меня великое къ вамъ почтеніе, и заставляя меня такимъ образомъ, проступокъ мой чувствовать, вліяете вы въ меня желаніе и способность все поправить. Я повергаюсь къ стопамъ вашимъ! помогите! помогите если возможно мое преступленіе загладить и тѣмъ окончать мое нещастіе! Возвратите, государь мой, мнѣ вашу сестрицу, вручите меня ей; колико бы я щастливъ былъ, еслибы я отъ вашей руки получилъ супругу и прощеніе всѣмъ моимъ преступленіямъ!

Бомарше. Уже поздно! Сестра моя васъ болѣе не любитъ, а я васъ пренебрегаю. Напишите только объявленіе, и я болѣе отъ васъ ничего не требую; я употреблю все возможное противъ васъ мщеніе.

Клавиго

Клавиго. Ваше упрямство несправедливо и неблагоразумно; я признаюсь, что не отъ меня зависитъ, хотя бы я и хотѣлъ, сїе толь испорченное дѣло поправить. — Чтобы я оное поправить могъ, зависитъ отъ сердца вашей прекрасной сестрицы, ежели она захочетъ увидѣть гнуснаго человѣка, недостойнаго взирать на свѣтъ. Но вамъ должно, государь мой, сїе дѣло разсмотрѣть, и по томъ ваше поведенїе опредѣлить, ежели вы не хотите, чтобы поступокъ вашъ подобенъ былъ, юношеской неосновательной запалчивости. Если Донна Марїя будетъ неподвижна; — О мнѣ сердце ея извѣстно! о коль живо предстоитъ мнѣ ея милостивая, ея божественная душа! — Если она будетъ не упросима, тогда еще государь мой, будетъ время.

Бомарше. Я отъ объявленїя не отступлю.

Клавиго (идучи къ столу, на которомъ лежитъ шпага). А естьли я возму шпагу?

Бомарше (идучи за нимъ). Хороше государь мой! прекрасно!

Клавиго (удерживая его). Еще одно слово! Позвольте мнѣ быть за васъ благоразумнымъ. Разсудите, что вы предпрїемлете; оба ваши предложенїя, ежели я ихъ исполню, погубятъ насъ на всегда. Перенесу ли я скорбь, и безпокойство, если шпага моя обагрится вашею,

шею кровію, если я нещастнѣйшую Марію лишу ея брата? а — Убіица мой не долженъ ли скрыться за Пиринейскія горы?

Бомарше. Объявленіе государь мой! объявленіе!

Клавиго. Быть такъ. Я все сдѣлаю, чтобы васъ удостовѣрить о чистосердечномъ моемъ раскаяніи, которое ваше присудствіе во мнѣ произвело. Я объявленіе напишу, напишу его изъ устъ вашихъ, только обѣщайте мнѣ не прежде имъ воспользоваться, пока я Донну Марію о моемъ перемѣнившемся и раскаевшемся сердцѣ не удостовѣрю; пока я съ старшею вашею сестрицею не переговорю, пока она милости мнѣ не сдѣлаетъ и не будетъ предстательствовать за меня у предмѣта любви моей, до тѣхъ поръ государь мой!

Бомарше. Пока не возвращусь я изъ Аранжуеца.

Клавиго. Пускай до вашего возвращенія останется сіе объявленіе въ вашей записной книжкѣ; а когда я прощенъ не буду, тогда не удерживайте стремленія мщенія вашего. Сіе предложеніе справедливо, благопристойно, благоразумно; а ежели вы на сіе не согласитесь, то пусть смерть дѣло наше рѣшитъ. Какимъ бы то образомъ она не рѣшила, то вы и бѣдная сестра ваша будетъ жертвою вашей запалчивости.

Бомарше

Бомарше. Вамъ пристойно о тѣхъ соболѣзновать, которыхъ нещастными вы сдѣлали.

Клавиго (*садясь за столъ*). Довольны ли вы симъ?

Бомарше. Изрядно, я уступлю! но ни минуты долѣе. — Я приѣду изъ Аранжуеца спрошу, и долженъ слышать, ежели же вамъ, какъ я уповаю и желаю, прощено не будетъ, то тотчасъ съ листочкомъ въ типографію.

Клавиго (*взявъ листъ бумаги*). Что вамъ угодно?

Бомарше Государь мой! въ присудствіи вашихъ людей.

Клавиго. На что ето?

Бомарше. Прикажите только имъ быть въ сей Галлереѣ, чтобы несказали, что я васъ принудилъ.

Клавиго. Какая осторожность!

Бомарше. Я въ Испаніи, и дѣло имѣю съ вами. —

Клавиго. Быть такъ! (*Звонитъ. Лакей входитъ*). Сбери людей моихъ и приди съ ними въ галлерею.

(*Лакей уходитъ а по томъ возвращается съ людьми, которые и становятся въ галлереѣ*).

 Кла-

Клавиго. Вы на меня полагаетесь написать объявленіе.

Бомарше. Нѣтъ государь мой! извольте писать такъ, какъ я вамъ сказывать буду.

Клавиго (*пишетъ*).

Бомарше. Я нижеподписавшійся Іосифъ Клавиго, хранитель королевской архивы,

Клавиго. Архивы.

Бомарше. Признаю, что бывъ ласкаво принятъ въ домѣ госпожи Гильбертъ.

Клавиго. Гильбертъ.

Бомарше. Сестру ея дѣвицу де Бомарше обманулъ даннымъ и часто повторяемымъ словомъ, на ней женится, — сдѣлали ли вы сіе? —

Клавиго. Государь мой!

Бомарше. Нѣтъ ли у васъ на сіе другова слова?

Клавиго. Я бы думалъ —

Бомарше. Обманулъ. Что Вы сдѣлали, то вы лехко можете написать. — (*Клавиго пишетъ*). Я ее оставилъ и не имѣю причины со стороны ея ни порока, ни слабости побудившей меня къ сему вѣроломству.

Клавиго. Ну сударь!

Бомарше. Напротивъ того поведеніе сея дѣвицы было честно, безпорочно и почтенія достойно.

Кла-

Клавиго. Достойно.

Бомарше. Я признаю, что я поведенiемъ моимъ легкомысленными рѣчьми и толкованiемъ, которые они произвели, явно оскорбилъ сiю добродѣтельную дѣвицу, чего ради я прошу у нее прощенiя, хотя я и недостойнымъ себя почитаю оное получить.

Клавиго (*останавливается*).

Бомарше. Пишите! пишите с у д а р ь! (*Пишетъ*) — Сiе объявленiе далъ я по собственной моей воли и безъ принужденiя, съ таковымъ еще увѣренiемъ, что если обиженная онымъ довольна не будетъ, то я готовъ ей другаго рода удовольствiе сдѣлать — Мадритъ.

Клавиго (*вставая и приказывая лакеямъ удалиться, подаетъ бумагу господину де Бомарше*). Я имѣю дѣло, хотя съ обиженнымъ, однако съ благороднымъ человѣкомъ. Вы сдержите ваше слово, и отставите ваше мщенiе до времени. Я въ сей только надеждѣ написалъ сей меня оскорбляющiй листъ; къ чему бы ничто другое меня понудить немогло; но прежде нежели я отважусь предстать предъ Донной Марiей, намѣренъ я просить кого нибудь за меня у нее вступиться. — А сей кто нибудь будете вы.

Бомарше. И не помышляйте о семъ.

Клавиго. По крайней мѣрѣ, скажите ей о томъ горестномъ, чистосердечномъ раскаянiи, которое вы во мнѣ примѣтили. Вотъ, вотъ все, о чемъ я васъ прошу; не отрекайтесь отъ сего, а то я принужденъ буду другова, не столько сильнаго предстателя искать, да вы и должны ей принести вѣрное повѣствованiе. Скажите ей въ какомъ положенiи вы меня видѣли.

Бомарше. Хороше, ето я могу сдѣлать, ето я сдѣлаю; и такъ прощайте!

Клавиго. Прощайте! (*хочетъ взять Бомарше за руку, которой однако отъ него ее отвращаетъ и уходитъ*).

Клавиго *одинъ.*

Такъ скоро изъ одного положенiя въ другое! — подобно какъ въ жару! какъ во снѣ! —

Сего объявленiя ненадобно бы было ему давать, — сiе меня поразило вдругъ, нечаянно, какъ громовымъ ударомъ.

Карлосъ *приходитъ.*

Карлосъ. Какiя у тебя были гости? Весь домъ твой въ движенiи, что сдѣлалось?

Клавиго. Братъ Марiинъ.

Карлосъ. Я сiе воображалъ. Каналья одинъ изъ старыхъ Гильбертовыхъ слугъ, который ко мнѣ теперь вѣсти носитъ, зналъ еще вчерась,

рась, что его здѣсь ожидаютъ, а увѣдомилъ меня о томъ только сей часъ. Онъ былъ здѣсь?

Клавиго. Предобрый человѣкъ!

Карлосъ. Етого мы скоро избавимся, я идучи сюда о томъ уже помышлялъ! — Чтожъ у васъ происходило? Вызовъ? Удовольственное объявленіе? Что? горячился молодецъ то?

Клавиго. Онъ требовалъ отъ меня объявленіе, что сестра его не подала мнѣ причины къ измѣнѣ.

Карлосъ. И ты ему оное далъ?

Клавиго. Я сіе за лутчее почелъ?

Карлосъ. Хороше, очень хороше! не произошлоли еще чего?

Клавиго. Онъ требовалъ поединка или объявленіе.

Карлосъ. Последнѣе умнѣе всего, кто жизнею своею будетъ такому Романическому безумцу жертвовать? А объявленіе то требовалъ онъ, я чаю, съ насиліемъ?

Клавиго. Онъ мнѣ его сказывалъ, и я принужденъ былъ людей въ галлерее поставить.

Карлосъ. Понимаю! — А! теперь ты дружокъ попался мнѣ, ето тебѣ голову сломитъ! назови меня простякомъ, ежели я чрезъ

два дни, сего молодца не посажу въ тюрьму и съ первой поѣздкою, не провожу въ Индію.

Клавиго. Нѣтъ Карлосъ, дѣло то не въ такомъ положеніи какъ ты думаешъ.

Карлосъ. Какъ?

Клавиго. Я надѣюсь посредствомъ его, и моимъ ревностнымъ стараніемъ, исходатайствовать у нещастной Маріи прощеніе.

Карлосъ. Клавиго!

Клавиго. Я надѣюсь все прошедшее загладить, растроенное все поправить и такъ сдѣлаться въ своихъ глазахъ, и въ глазахъ всего свѣта, опять честнымъ человѣкомъ.

Карлосъ Что съ тобою сдѣлалось? ты ребячишся; Отъ тебя все еще учонымъ пахнетъ. — Допустить себя такъ дурачить, не видишь ли ты, что ето вымыселъ тебя изловить?

Клавиго. Нѣтъ Карлосъ, онъ не хочетъ, чтобъ я женился, они всѣ противъ сего, и не хотятъ обо мнѣ слышать.

Карлосъ. Сіе то и важно. Нѣтъ, любезный другъ, не погнѣвайся, я въ комедіяхъ видалъ, что такимъ образомъ сельскихъ дворянчиковъ проводили.

Клавиго. Ты меня симъ оскорбляешъ. Прошу оставить твои шутки до моей свадьбы.

бы. Я положилъ женится на Маріи, самъ любно, по склонности. Вся моя надежда, все благополучіе состоитъ въ ея прощеніи. А ты тщеславіе нынѣ отъ меня удались! — Въ объятіяхъ сея любезныя, все тоже блаженство обитаетъ, какъ и прежде, вся слава и знатность, которую я приобрѣту, наполнитъ меня сугубымъ удовольствіемъ, по тому что она оное со мною раздѣлитъ. Прощай! мнѣ надобно тамъ быть, по крайней мѣрѣ надобно съ Гильбертовой переговорить.

Карлосъ. Погоди! поди туды послѣ обѣда!

Клавиго. Ни минуты долѣе (*уходитъ*)

Карлосъ (*еще въ слѣдъ смотря и помолчавъ не много*) Вотъ опять кто то сшутилъ! (*уходитъ*)

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

КОМНАТА ВЪ ГИЛБЕРТОВОМЪ ДОМѢ.

Софія Гильбертъ Марія де Бомарше.

Марія. Ты его видѣла? всѣ члены у меня трепещутъ? ты его видѣла? Я чуть въ обморокъ не упала, услыша что онъ будетъ, а ты, ты могла его видѣть? а я — Нѣтъ я не въ состояніи, я никогда съ нимъ не увижусь.

Софія. Я внѣ себя была, какъ онъ къ намъ вошелъ; ахъ! развѣ я его не такъ же любила какъ ты, чистѣйшею братскою любовію? Не оскорбило ли, не мучило ли меня его удаленіе? — А нынѣ видѣть его возвратившагося, раскаявшагося у ногъ своихъ? — Сестрица! въ его взорѣ, въ его голосѣ есть не что привлекательное. Онъ — —

Марія. Никогда, во вѣки!

Софія. Онъ еще все тотъ же, онъ имѣетъ все тоже доброе, нѣжное, чувствительное сердце, туже пылающую страсть, тоже желаніе быть любиму, и тоже безпокойное му-

чительное чувствованіе, ежели взаимной любви не видѣтъ. Все, все тотъ же! — а о тебѣ говоритъ онъ Марія! какъ въ тѣ щастливые дни горячнѣйшей его страсти; кажется какъ будто благотворящее тебѣ существо само произвело, невѣрность его и удаленіе, дабы пресѣчь тѣмъ скуку и томное ваше обращеніе и дать чувствамъ вашимъ новую живность.

Марія. Ты его защищаешъ?

Софія. Нѣтъ сестрица; да я ему сего и не обѣщала, но только любезная сестра! я сіе дѣло понимаю каково оно есть, а вы съ братомъ даете ему видъ романической. Съ тобою то случилось, что со многими тебѣ подобными случается, что любовникъ твой тебѣ измѣнилъ и тебя оставилъ; а что онъ возвращается съ раскаяніемъ, хочетъ проступокъ свой поправить и старое обѣщаніе возобновить, то — такого щастія другая отрицаться не будетъ.

Марія. Я сего не перенесу

Софія. Вѣрю, что первая минута вашего свиданія, тебя очень тронетъ, — а потомъ душа моя! не почитай страхъ и смятеніе, которое кажется обладаетъ всѣми твоими чувствами, не почитай оное дѣйствіемъ ненависти, сердце твое за него тебѣ говоритъ болѣе, нежели ты думаешъ и ты для того то

 и

и неотваживаешся его видѣть, что желаешъ такъ сильно его возвращенія.

Марія. Сжалься надо мною!

Софія. Ты конечно будешъ щастлива. Ежели бы я чувствовала, что ты его пренебрегаешъ, что онъ для тебя ничего не значитъ, то бы я слова не сказала и его бы никогда не увидѣла. Но такъ любезнѣйшая моя! — ты будешъ меня благодарить, что я тебѣ помогу преодолѣть сію безпокойную нерѣшимость, которая есть знакъ твоей къ нему любви.

Гильбертъ, Буенко приходятъ

Софія. Подите сюда Буенко! Гильбертъ! помогите мнѣ уговаривать сію бѣдную, ей подать смѣлость *рѣшиться; сіе болѣе всего нужно.*

Буенко. Я бы совѣтовалъ его не принимать.

Софія. Буенко!

Буенко. Сердце мое кровію обливается, когда я подумаю, что онъ будетъ имѣть сего ангела, котораго онъ такъ гнусно обманулъ, и привлекъ ко гробу. Ею обладать? — почто? — Чѣмъ онъ все то поправитъ, что онъ преступилъ? — Что онъ возвратится, что ему угодно будетъ сказать: теперь я ее беру, какъ будто сія прекрасная душа, маловажный товаръ, который наконецъ купцу, много-

многократно уже торговавшему и опять нехотѣвшему его купить, уступаютъ. Нѣтъ! моего согласія онъ никогда имѣть не будетъ, хотя бы и Маріино сердце ему благосклонно было. — Возвратится! — Раскается! — Почто же теперь? — Теперь? — развѣ ему надобно было ожидать, пока храбрый братъ ея пріѣдетъ, котораго мщенія онъ страшася проситъ подобно мальчику, прощенія? — А! онъ такойже трусъ, какъ бездѣльникъ!

Гильбертъ. Ты говоришъ какъ Испанецъ, а развѣ Испанцовъ ты не знаешъ? Мы теперь въ такой опасности, какой вы не воображаете!

Марія. Любезнѣйшій Гильбертъ!

Гильбертъ. Предпріимчивую душу брата нашего я почитаю, я тайно смотрѣлъ на его геройскій поступокъ и желаю, чтобы все имѣло хорошій успѣхъ, желаю, что бы Марія вознамѣрилась Клавигу руку свою дать, потому — (*улыбаясь*) что сердце ея, онъ уже имѣетъ.

Марія. Ты жестокосердъ!

Софія. Послушай, прошу тебя, послушай его.

Гильбертъ. Братъ твой взялъ съ него объявленіе, для оправданія твоего предъ цѣлымъ свѣтомъ, а сіе то и погубитъ насъ.

Буенко

Буенко. Какъ?

Марія. О Боже!

Гильбертъ. Онъ далъ сіе объявленіе, въ надеждѣ тебя онымъ тронуть; если же оно тебя не тронетъ, то онъ все употребитъ къ возвращенію сей бумаги; онъ сіе можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ. Братъ твой хочетъ тотчасъ по возвращеніи изъ Аранжуеца, объявленіе напечатать и обнародовать. Я опасаюсь, что если ты упрямиться будешъ, то онъ изъ Аранжуеца не возвратится.

Софія. Любезный Гильбертъ!

Марія. Мой духъ изнемогаетъ!

Гильбертъ. Клавиго не допуститъ, что бы сія бумага вышла въ свѣтъ; если ты на его предложеніе не согласишся, то онъ какъ честолюбивый человѣкъ, поѣдетъ брату твоему на встрѣчу и одинъ изъ нихъ погибнетъ; братъ твой, хоть побѣдитъ, хоть умретъ, все пропащій человѣкъ. Чужестранный въ Испаніи! убійца сего придворнаго любимца! — Сестрица, хороше, если кто имѣетъ и чувства и мысли благородные, чтобы себя и своихъ — —

Марія. Совѣтуй мнѣ, Софія помоги мнѣ!

Гильбертъ. А ты Буенко опровергни мой совѣтъ.

Буенко

Буенко. Онъ не отважится сего предпрїять, онъ страшится умереть, а тобы онъ никогда сего объявленїя не далъ и не сдѣлалъ бы Марїѣ сего предложенїя.

Гильбертъ. Тѣмъ хуже! Онъ найдетъ сто человѣкъ, которые ему подадутъ руку помощи, и умертвятъ нашего Бомарше дорогой. Буенко! неужели ты такъ незнающъ, что думаешъ, что такой придворный не имѣетъ у себя подкупленныхъ убїйцъ?

Буенко. Король человѣкъ великїй и добрый.

Гильбертъ. Такъ ступай! сквозь всѣ стѣны его окружающїе, сквозь его стражу сквозь весь придворный церемонїалъ и сквозь все, чемъ его придворныя укрѣпленїя, отъ народа отдѣляютъ, ступай къ нему и спасай насъ! — Кто идетъ?

Клавиго (*приходитъ*)

Клавиго. Мнѣ надобно! мнѣ должно!

Марїя (*вскрича упадаетъ къ Софїи на руки*)

Софїя. Жестокїй! въ какое состоянїе ввергаешъ ты насъ? (*Гильбертъ и Буенко подходитъ къ ней*)

Клавиго. Ето она! ето она! — А я Клавиго. . . Послушайте меня дражайшая, естьли

ли на меня взирать не хотите. Въ то время, какъ Гильбертъ меня ласково въ домъ свой принялъ, въ то время, какъ я еще бѣдный и ничего незначущій былъ человѣкъ, въ то время, когда я наилютѣйшую страсть къ вамъ чувствовалъ, то достоинство ли мое, или паче не внутренное ли согласіе нашихъ чувствъ и непостижимая склонность сердецъ нашихъ, привело и васъ въ чувство и подало мнѣ надежду, что я нѣкогда сердцемъ вашимъ обладать буду? а теперь — развѣ я не тотъ же самый? вы развѣ не тѣже? для чего же мнѣ не просить? неужели вы не пріимете въ объятія ваши друга, любовника, котораго вы по долгомъ и нещастномъ морскомъ плаваніи погибшимъ почитали, и который нынѣ спасенную жизнь свою къ ногамъ вашимъ повергаетъ? А развѣ я въ сіе время не такими же былъ обуреваемъ волнами какъ на морѣ. Наши страсти, противъ которыхъ мы, во всю нашу жизнь, боримся, неужаснѣе ли и не сильнѣе ли волнъ, удаляющихъ нещастнаго отъ своего отечества? Марія! Марія! возможно ли вамъ ненавидѣть того, который никогда не переставалъ васъ любить? Среди всѣхъ свѣтскихъ забавъ, при прельщающемъ гласѣ честолюбія и гордости я всегда вспоминалъ тѣ блаженные и непорочные дни, которые я у ногъ вашихъ въ благополучной и смиренной жизни препровождалъ, и которые вамъ цвѣтущее время предвѣщали — А нынѣ

но чтоже не хотите того со мною исполнить, зачемъ мы всегда стремились; развѣ вы не хотите совершить щастіе нашей жизни, для того что мрачная бездна пресѣкла путь къ нашему благополучію? Нѣтъ дражайшая! поверьте, что наилучшія наши удовольствія въ свѣтѣ безъ огорченія не бываютъ; чувствованіе высочайшаго блага, бываетъ страстями и судьбою прерываемо; развѣ намъ негодовать за то, что съ нами то случилось, что и со всѣми случается? Развѣ намъ сдѣлаться самимъ виновными отверженіемъ сего удобнаго случая, къ правленію всего прошедшаго, къ возстановленію удрученнаго семейства, къ награжденію великодушнѣйшаго брата за храбрый его поступокъ, и къ утвержденію собственнаго нашего благополучія? Любезные друзья! вы, которыхъ я не достоинъ, но которые должны быть моими друзьями, по тому что вы друзья добродѣтели, къ которой я нынѣ возвращаюсь, соедините просьбу вашу съ моею. Марія! (упадая на колѣни). Марія! развѣ ты уже голоса моего не знаешъ? развѣ ты уже голосу сердца моего болѣе не внемлешь? Марія! Марія!

Марія. О Клавиго!

Клавиго. (*Встаетъ, беретъ у нее руку и цѣлуетъ оную въ великомъ восхищеніи*) Она мнѣ прощаетъ! она меня любитъ! (*обнимает*

Гильъ

(*Гильберта и Буенко*) она меня еще любитъ! О Марія! сіе мнѣ сердце мое предсказало! Мнѣ можно было пасть къ ногамъ твоимъ и въ безмолвіи скорбь мою и раскаяніе оплакать, ты бы меня безъ словъ моихъ поняла, такъ какъ, я отъ тебя въ безмолвіи прощеніе твое пріемлю. Нѣтъ! внутренняя связь душъ нашихъ, еще неразрушенна, они разумѣютъ другъ друга, такъ какъ прежде и не имѣютъ нужды въ изреченіяхъ и въ наружныхъ знакахъ къ изъясненію внутреннихъ движеній. Марія! — Марія! — Марія! —

Бомарше приходитъ.

Бомарше! А!

Клавиго. (*Къ нему навстречу*) любезный братъ!

Бомарше. Ты ему прощаешъ?

Марія. Пустите, пустите меня! чувства мои цѣпенѣютъ (*ее уводятъ*).

Бомарше. Она ему простила?

Буенко. Такъ кажется.

Бомарше. Ты твоего щастія недостоинъ.

Клавиго. Повѣрь, что я чувствую;

Софія (*назадъ приходитъ*). Она ему прощаетъ. Слезы изъ глазъ ея ручьями покатились. Пусть онъ на время удалится, сказала она рыдая, а я успокоюсь! Я ему прощаю

щаю — ахъ сестра! вскричала она упадая ко мнѣ въ объятіи, по чему знаетъ онъ, что я его такъ люблю.

Клавиго (*цѣлуя у Софіи руку*). Я наищастливѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ, любезный братъ!

Бомарше (*обнимая его*). Такъ и быть, хотя я тебѣ и скажу, что я не могу еще быть твоимъ другомъ, не могу еще тебя любить, однако будь ты мнѣ братъ и все прошедшее забвенно; вотъ бумага, что ты мнѣ далъ, [*вынувъ объявленіе изъ записной книжки и разодравъ его отдаетъ ему*].

Клавиго. Я вашъ на вѣки, на вѣки.

Софія. Уйдите! я васъ прошу, уйдите, что бы она вашего голосу не слыхала и успокоилась бы.

Клавиго (*всѣхъ обнимая*). Прощайте! — прощайте! — ангела моего тысячу разъ цѣлую въ мысляхъ.

(*Уходитъ*).

Бомарше. Такъ и быть; хотя бы я и желалъ, чтобы сіе иначе было. (*Улыбаясь*) Право дѣвица такая есть очень добросердечное твореніе — Да и мысль и желаніе нашего посла таково, чтобы Марія ему простила и чтобы благополучная свадьба кончила сіе непріятное приключеніе.

Гильбертъ. И я теперь покоенъ.

Буенко. Онъ вашъ зять. Простите! вы меня болѣе въ домѣ вашемъ не увидите.

Бомарше. Государь мой!

Гильбертъ. Буенко!

Буенко. Я его ненавижу и ненавидѣть буду до конца моей жизни, и посмотрите съ какимъ вы человѣкомъ дѣло имѣете. (*Уходитъ*)

Гильбертъ. Онъ печальный предсказатель, а со временемъ можно будетъ его уговорить, какъ онъ увидитъ, что все пойдетъ хорошо!

Бомарше. Но я сдѣлалъ очень не осторожно, что возвратилъ ему объявленіе.

Гильбертъ. Полно! полно! оставь сіе сумнѣніе.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КОМНАТА ВЪ КЛАВИГОВОМЪ ДОМѢ.

Карлосъ одинъ.

Похвально, что правительство приставляетъ опекуновъ къ людямъ, которые мотовствомъ или другимъ дурачествомъ показуютъ, что они въ умѣ повредились; а когда сіе дѣлаетъ съ *нами* правительство, то не обязаны ли мы сіе сдѣлать съ друзьями нашими? Клавиго, ты въ дурныхъ обстоятельствахъ! Еще надѣюсь я! и ежели ты по прежнему послушенъ, то теперь есть еще время тебя отъ дурачества избавить, которое при чувствительномъ твоемъ нравѣ сдѣлаетъ нещастіе твоей жизни и прежде времяни во гробъ тебя вгонитъ. Онъ идетъ.

Клавиго приходитъ въ мысляхъ.

Клавиго. Здраствуй Карлосъ!

Карлосъ. Печальное, принужденное здравствуй! Что не отъ невѣсты ли своей ты въ такомъ духѣ идешь?

Клавиго. Она ангелъ! они всѣ предорогїе люди!

Карлосъ. Съ свадьбою то не очень поспѣшай, что бы успѣть вышить кафтанъ.

Клавиго. Что ты шутишъ? На моей свадьбѣ не будетъ шитыхъ кафтановъ.

Карлосъ. Я думаю.

Клавиго. Собственное наше удовольствїе, дружеское согласїе, будетъ украшенїемъ сего торжества.

Карлосъ. Вы тихую, невеликолѣпную свадьбу сыграете?

Клавиго. Такъ какъ люди чувствующїе, что ихъ щастїе состоитъ въ взаимной ихъ любви.

Карлосъ. Нынѣшнимъ обстоятельствамъ сїе весьма прилично.

Клавиго. Нынѣшнимъ обстоятельствамъ! что ты симъ сказать хочешъ?

Карлосъ. То, что какъ дѣла ваши расположены, какъ они нынѣ находятся.

Клавиго. Послушай Карлосъ! я не люблю, что бы друзья со мною такъ скрытно говорили; я вѣдаю, что ты противъ сей женидьбы, но со всемъ тѣмъ скажи не обинуясь все, чѣмъ ты можешъ оную опровергнуть. Въ какомъ положенїи мои дѣла? какъ они находятся?

Кар-

Карлосъ. Въ человѣческой жизни множество случается неожидаемыхъ приключенїй, да и не хорошо бы было, если бы все своимъ порядкомъ шло, по тому что нѣчему бы удивляться было, не о чемъ бы размышлять было, и нѣчего бы было въ обществѣ расказывать.

Клавиго. Шуму много сїе надѣлаетъ.

Карлосъ. Клавигова свадьба! всеконечно. Множество дѣвицъ въ Мадритѣ, тебя ожидаютъ, на тебя надѣются, а ты имъ такъ подшутишъ?

Клавиго. Такъ и быть.

Карлосъ. Странно! я мало людей знавалъ, въ которыхъ бы женщины такое великое и общее участїе имѣли, какъ въ тебѣ. Во всѣхъ состоянїяхъ, довольно добрыхъ дѣвушекъ, упражняющихся въ старанїяхъ тебя изловить. Одна надѣется на свою красоту, другая на богатство, на свое состоянїе, разумъ и родню. Какъ низко всѣ мнѣ, тебя ради, кланяются! потому что лице мое и извѣстное пренебреженїе мое къ женщинамъ, такихъ поклоновъ не произведутъ.

Клавиго. Ты насмѣхаешся.

Карлосъ. Да! если бы у меня не бывало множество предложенїевъ писанныхъ нѣжными ручками, такъ противъ правописанїя, какъ только подлинное письмо отъ дѣвицы написа-

но быть можетъ; какое множество прекрасныхъ Доннъ попадалось мнѣ въ руки!

Клавиго. А ты мнѣ ничего о семъ не сказывалъ?

Карлосъ. Для того, что я не хотѣлъ тебя пустыми затѣями з бавлять, и никогда не могъ тебѣ совѣтовать въ самомъ дѣлѣ объ одной изъ оныхъ помышлять. О Клавиго! сердце мое пеклося о твоей судьбѣ, такъ какъ о моей собственной; я друга кромѣ тебя, не имѣю; люди мнѣ несносны, да и ты теперь становищся несносенъ!

Клавиго. Пожалуй, будь покоенъ!

Карлосъ. Сожги у кого домъ, надъ которымъ кто *трудился десять лѣтъ*, да пошли послѣ къ нему *отца духовнаго*, чтобы онъ ему проповѣдывалъ христіанское терпеніе! Не надобно ни окомъ, кромѣ себя, стараться, люди недостойны — —

Клавиго. Опять твои злодѣйскіе мысли приходятъ.

Карлосъ. Если я съ нова въ нихъ углублюсь, то кто тому, кромѣ тебя, притчиною? Я самъ себѣ о тебѣ говаривалъ: какая ему нужда теперь въ женидьбѣ, даже и въ наивыгоднѣйшей? Ему, который, правда для обыкновеннаго человѣка довольно произошелъ, но человѣку съ его разумомъ, съ его дарованіями

ями не простительно — невозможно — тѣмъ остаться, что онъ есть. — Я дѣлалъ свои проекты: таковыхъ предпріимчивыхъ, говорилъ я, искательныхъ, умныхъ и притомъ прилѣжныхъ людей мало; онъ всюды годенъ. Какъ хранитель Королевской архивы, можетъ онъ весьма скоро пріобрѣсти важнѣйшія свѣденія, сдѣлатся нужнымъ, и случись только перемѣна, то онъ и министръ.

Клавиго. Признаюсь, что и я сими сновидѣніями не рѣдко занимался.

Карлосъ. Сновидѣніями! Такъ вѣрно какъ я взойду на башню, если я взойти на нее вознамѣрюсь и положу не поколебимо предпріятіе мое исполнить, такъ вѣрно и ты бы всѣ затрудненія преодолелъ. А о протчемъ уже бы я не сумнѣвался. Ты не имѣешъ собственнаго достатка? тѣмъ лучше! ето тебя бы къ пріобрѣтенію онаго болѣе поощряло. Кто при таможенныхъ сборахъ не обогатится, тотъ простакъ. Да къ томуже я и невижу, почему государство не обязано, платить такія же дани министру, какъ и королю. Король употребляетъ свое имя, а министръ свои способности и труды. По окончании уже сихъ размышленій думалъ я о выгодной для тебя женидбѣ. У меня перебывало въ мысляхъ довольно знатныхъ домовъ, не взирающихъ на твой родъ и происхожденіе, множество бо-

катыхъ, желающихъ охотно снабдить тебя достаткомъ на твои издержки, лишь бы только имѣть участїе въ славѣ втораго Короля — а теперь —

Клавиго. Ты несправедливъ, ты съ лишкомъ унижаешь нынѣшнее мое положенїе; развѣ ты думаешь, что я далѣе не пойду, что я уже не въ состоянїи себя возвысить?

Карлосъ. Другъ мой! обрѣшь вершину какого нибудь растенїя, и потомъ пускай оно отрасли отъ себя пуститъ; оно будетъ, можетъ быть хорошїй кустъ, но первый величественный видъ уже на всегда изчезнетъ. Да не думай пожалуй, чтобы и при дворѣ на твою свадьбу, равнодушно смотрѣли. Развѣ ты позабылъ, какїе люди тебѣ отсовѣтовали обходиться съ *Марїею* и жениться на ней? развѣ ты позабылъ, кто тебѣ далъ сей умный совѣтъ ее оставить? прикажешь ихъ себѣ по пальцамъ перечесть?

Клавиго. Это то, меня и мучитъ, что не многїе сей поступокъ мой похвалятъ.

Карлосъ. Никто! Да какъ знатнымъ твоимъ знакомцамъ не сердиться, что ты не спросясь ихъ и безъ ихъ совѣта такъ на это пустился, какъ безразсудный мальчикъ?

Клавиго. Это безчинно отъ тебя Карлосъ и съ лишкомъ строго.

Кар-

Карлосъ. Ни мало не строго, по тому что если кто по страсти такое дурачество сдѣлаетъ, то простительно; если кто женится на горнишной дѣвушкѣ для того, что она такъ хороша, какъ Ангелъ, то онъ будетъ осужденъ, но люди будутъ ему завидовать.

Клавиго. Люди! все у тебя люди!

Карлосъ. Тебѣ извѣстно, что я не очень похвалы людской ищу, но ето вѣчно правда будетъ, что кто другихъ ради ничего не дѣлаетъ, тотъ не сдѣлаетъ и для себя ничего, и если тебѣ люди не удивляются и не завидуютъ, то ты и не благолученъ.

Клавиго. Свѣтъ судитъ по видимому. Кто обладаетъ сердцемъ Маріи, тотъ зависти достоинъ.

Карлосъ. Каково дѣло есть, таково оно и кажется. Конечно я думаю, что скрытыя въ ней качества содѣловаютъ твое благополучіе; ибо то, что глазами видѣть можно, что разумъ понять можетъ —

Клавиго. Ты хочешъ меня совсемъ погубить.

Карлосъ. Какъ ето происходило? спросятъ въ городѣ; какъ ето сдѣлалось? спросятъ у двора. Бога ради скижите, какъ ето сдѣлалось? она бедна, безродна, и ежели бы не случилось Клавигова съ ней приключенія, то бы и

неиз-

неизвѣстно было, естьли она на свѣтѣ; она говорятъ мила, пріятна, умна, — ктожъ для етова женится? ето проходитъ не примѣтно въ первые дни супружества. Ахъ! иной скажетъ, она прекрасна, прелестна, черезвычайно хороша. — Понять теперь можно скажетъ другой —

Клавиго (*въ смятеніи вздыхаетъ*). Ахъ!

Карлосъ. Хороша, скажетъ одна, я ее шесть лѣтъ не видала скажетъ другая, такъ въ ето время можетъ она перемѣнится. Вотъ мы ее увидимъ, скажетъ третія, онъ ее скоро выведетъ. Всѣ спрашиваютъ, смотрятъ, нетерпеливо ожидаютъ имѣя всегда въ мысляхъ честолюбиваго Клавиго, неказавшагося въ публикѣ иначе, какъ съ пышною великолѣпною и гордою *Испанкою*, которой пышная грудь, играющій румянецъ и пылающіе глаза показывали, какъ будто она вопрошаетъ всѣхъ ее окружающихъ: недостойна ли я моего проводника? И которая въ восхищеніи своемъ хвостъ платья своего, такъ длинно отпустила какъ только возможно было, дабы присутствіе свое тѣмъ великолѣпнѣе и почтеннѣе сдѣлать? — А теперь явится етотъ господинъ — и всѣ обезпамятѣютъ — потащится, съ своей сухинькой, маленькой Француженкою, у которой на лицѣ чехотка написана, хотя оно и вымазано бѣлилами и румянами. — О другъ мой! я взбѣшусь — я уйду, какъ

какъ всѣ ко мнѣ приступятъ, меня допрашивать, мучить будутъ, и непоймутъ какъ — —

Клавиго (*хватая его за руку*) Другъ — другъ мой! я въ ужасномъ положеніи. Я тебѣ сказываю, я тебѣ признаюсь, что я ужаснулся увидѣвъ Марію! какъ она обезображена! — какъ блѣдна, какъ худа! — — етому я виною, мое вѣроломство! —

Карлосъ. Вздоръ! пустое! она была въ чехоткѣ, какъ знакомство ваше только началось, я тебѣ вить твердилъ — но вы любовники ни видите, ни слышите; стыдно, стыдно Клавиго, все такъ забыть! больная баба, которая потомкамъ твоимъ въ наслѣдство язву оставитъ, такъ, что всѣ твои дѣти и внучата погаснутъ какъ свѣчки. — Мужъ, могущій быть основателемъ рода, которой можетъ быть — я еще съ ума отъ етаго сойду, у меня голова кружится.

Клавиго. Что скажу я тебѣ Карлосъ? Какъ я съ нею увидѣлся, то въ первомъ жару стремилось сердце мое къ ней — и ахъ! — какъ етотъ жаръ миновался, то — сожалѣніе — внутреннную несказанную жалость произвела она во мнѣ! а любовь — послушай! казалось, какъ будто при чувствованіи высочайшаго удовольствія, объялъ меня мрачный ужасъ смерти. Я старался быть веселымъ, казаться предъ тѣми, которые меня окружали опять

щаст-

щастливымъ; все изчесло, все было принужденно, притворно! ежели бы они не въ такомъ были восхищеніи, то бы сами конечно то примѣтили.

Карлосъ. Тфу къ чорту! а ты хочешъ на ней жениться?

Клавиго (*въ глубочайшей задумчивости стоитъ ничего ему не отвѣчая*).

Карлосъ. Ты погибъ! навсегда погибъ! прощай другъ мой! пускай я все забуду, пускай уединенная моя жизнь изтечетъ въ размышленіяхъ о твоей плачевной долѣ. Ахъ! какъ я все, все сіе вспомню! Навлечь на себя пренебреженіе цѣлаго свѣта, не удовольствовавъ тѣмъ своей страсти или желанія! Ввергнуть себя самопроизвольно въ болѣзнь, которая угнетая твои силы, сдѣлаетъ тебя въ глазахъ цѣлаго свѣта гнуснымъ!

Клавиго. Карлосъ! Карлосъ!

Карлосъ. Я бы желалъ, что бы ты никогда не возвышался, дабы никогда не упадать! Какими глазами всѣ будутъ на тебя смотрѣть? Вотъ ея братъ! скажутъ всѣ; надобно, чтобъ онъ былъ храбрый человѣкъ! какъ онъ ево доѣхалъ! онъ не осмѣлился съ нимъ и драться. А! скажутъ наши придворные господчики, видно что онъ не дворянинъ; па! вскричитъ иной, надѣвъ шляпу и ударивъ себя по брюху, насу-

нулся бы етотъ Французъ на меня! а ето скажетъ можетъ быть человѣкъ, недостойный быть у тебя конюхомъ.

Клавиго (*въ жесточайшемъ смятенiи плачетъ и упадаетъ на шею къ Карлосу*). Избавь меня другъ мой! дражайшiй другъ! отъ сугубаго вѣроломства, отъ непостижимаго стыда, отъ самаго себя! — мой духъ изнемогаетъ!

Карлосъ. Бѣдный! нещастный! я надѣялся, что сiя юношеская горячность, си стремящiеся слезы, сiе глубокое унынiе у тебя уже прошли, я надѣялся непоколебимымъ увидѣть тебя мужемъ, сею скорбiю уже неугнетаемымъ, которую ты прежде сего изливалъ въ мое сердце. Будь мужественъ Клавиго! подкрѣпи себя!

Клавиго. Пускай я плачу! (*бросается въ креслы*).

Карлосъ Горе тебѣ, что ты предпрiялъ путь, который ты окончать не можешъ! По что соединилъ ты съ твоимъ чувствомъ и съ образомъ твоихъ мыслей, могущимъ сдѣлать щастiе тихаго мѣщанина, толикую склонность къ великости! А въ чемъ великость состоитъ Клавиго? Возвысить себя передъ другими чиномъ, знатностiю? Нѣтъ, не вѣрь сему! если твоя душа не превосходитъ, другихъ, если ты не въ состоянiи пренебречь случающiяся обстоятельства, тревожущiя низкихъ людей, то

ты въ лентахъ и звѣздахъ, ни что иное будешь, какъ низкій человѣкъ. Укрѣпися! успокойся!

Клавиго (привставъ смотритъ на Карлоса и подаетъ ему руку, которую Карлосъ съ горячностїю беретъ).

Карлосъ. Ну любезный другъ! рѣшись. Смотри, я все къ сторонѣ отложа скажу, вотъ два предложенїя: женись на Марїи, и благополучїе твое будетъ состоять въ тихой мѣщанской жизни, и въ покойномъ домашнемъ удовольствїи; или продолжай, честью наполненный путь до желаемой цѣли. — Я все къ сторонѣ отложа, скажу, что сїи предложенія равновѣсны, и что только отъ тебя зависитъ, одному изъ нихъ послѣдовать! но только рѣшись! — ничего въ свѣтѣ нѣтъ хуже нерѣшимаго человѣка, который въ двухъ мысляхъ погруженъ, желаетъ обѣ соединить, не понимая что ничто ихъ соединить не можетъ, какъ то самое сумнѣнїе, безпокойство, которое его терзаетъ. Ну! дай Марїѣ руку и сдѣлай, какъ честному человѣку надлежитъ, который щастїемъ своимъ данному имъ слову, жертвуетъ, который за долгъ почитаетъ все, что онъ испортилъ поправить, и которой далѣе нераспространялъ своихъ страстей и дѣянїй, какъ только до тѣхъ поръ, пока онъ въ состоянїи испорченное ими поправить, и такъ

полъ

пользуйся щастїемъ происходящимъ отъ покойной умѣренности, отъ чистой совѣсти и вкушай то блаженство, какое только человѣкъ вкушать можетъ, который въ состоянїи свое и ближнихъ удовольствїе составить. — Рѣшись! то я скажу, что ты совершенный человѣкъ. —

Клавиго. Искру Карлосъ, искру твоей твердости! твоей храбрости!

Карлосъ. Она въ тебѣ тлѣется, и я буду до тѣхъ поръ раздувать, пока она невспыхнетъ. Посмотри же съ другой стороны, на щастїе и величество тебя ожидающее. Я тебѣ сїи виды не буду поетическими пестрыми красками описывать; они тебѣ сами въ совершенной живности предстоятъ, такъ же какъ и прежде, пока ета Французская голова чувствъ твоихъ не смутила. Да и тутъ Клавиго, будь бодръ и иди прямымъ путемъ, не смотря ни направо, ни на лѣво. Возвысь свою душу и наполни ее сею мыслїю, что великїе люди тѣмъ то отъ низкихъ и отличаются, что должности ихъ разнствуютъ, что тому, кто на всеобщее благо взираетъ, онымъ управляетъ, и оное содержитъ, не должно укорять себя, ежели онъ пренебрежетъ что малое, или онымъ общему благу жертвуетъ. Если сїе дѣлаетъ творецъ въ естествѣ, Король въ государствѣ, то для чего же и намъ подражая имъ, сего не дѣлать?

Клавиго. Карлосъ я малый человѣкъ!

Карлосъ. Мы не тогда малы, когда насъ обстоятельства безпокоятъ, но тогда только когда онѣ насъ преодолѣваютъ. Еще разъ только дыхнуть, то ты и опамятуешся. Отторгни отъ себя остатки гнусной твоей страсти, которая къ тебѣ также мало теперь пристала, какъ тотъ сереньской кавтаньчикъ и смиренный видъ въ которыхъ ты въ Мадритъ пріѣхалъ! За то что Марія для тебя сдѣлала, ты уже давно заплатилъ, а что ты ей за первый ея ласковый пріемъ обязанъ — О! другая бы тоже, или еще болѣе сдѣлала, чтобы имѣть удоволствіе быть съ тобою знакомой, не входя въ такія требованія. — Да захочешъ ли ты когда твоему учителю дать половину твоего имѣнія, за то, что онъ тритцать лѣтъ тому на задъ, тебя азбуку училъ? Ну Клавиго!

Клавиго. Все ето изрядно, и ты пускай правъ, такъ и быть; да какъ намъ выттти изъ сего замѣшательства? подай совѣтъ, помоги, а тамъ и говори!

Карлосъ. Хорошо! и такъ ты желаешъ?

Клавиго. Сдѣлай прежде возможнымъ а потомъ я и желать буду; я не въ силахъ думать, думай ты за меня.

Карлосъ. Изрядно! прежде всего поведи ты сего господина въ нѣкоторое мѣсто, и шпагою

гою своею истребуй отъ него, то объявленїе, которое ты ему принужденно и неосторожно выдалъ.

Клавиго. Оно уже у меня, онъ его разодравъ отдалъ мнѣ.

Карлосъ. Прекрасно! Прекрасно! первый шахъ сдѣланъ. — А ты меня такъ долго говорить заставилъ. — И такъ короче! напиши ему не обинуясь, что тебѣ не угодно на сестрѣ его жениться, а притчину сего можетъ онъ узнать, ежели онъ нынѣшнею ночью выѣдетъ, въ такое то мѣсто съ однимъ изъ своихъ прїятелей, и съ оружїемъ какимъ онъ хочетъ; и конецъ тому. Поди Клавиго, напиши. Я твой секундантъ — развѣ дьяволъ мнѣ помѣшаетъ. —

Клавиго (*идетъ къ столу*).

Карлосъ. Послушай! еще одно слово! мнѣ кажется, что сїе предложенїе никуды негодится. Какъ намъ жертвовать сему безумцу нашею жизнею? Да и поведенїе и состоянїе сего человѣка незаслуживаетъ, что бы мы его за ровнаго себѣ почитали; и такъ послушай! Я донесу на него, что онъ прїѣхавъ въ Мадритъ тайно пришелъ къ тебѣ съ товарищемъ, обошолся съ тобою ласково и откровенно, а потомъ нечаянно на тебя напалъ, вымучилъ отъ тебя объявленїе съ тѣмъ, что бы оное обнародовать. Ето ему

сломить голову, и онъ узнаетъ, каково нарушать гражданское спокойствіе Испанцовъ.

Клавиго. Правда.

Карлосъ. Кабы намъ ево до тѣхъ поръ покамѣстъ дѣло то неначнется и онъ намъ чего нибудь новаго ненадѣлаетъ, посадить въ тюрьму и тѣмъ отъ всего себя предостеречь!

Клавиго. Разумѣю, и знаю, что ты въ состояніи все сіе исполнить.

Карлосъ. Подлинно хорошо, ежели бы я сей шутки сыграть не въ состояніи былъ, упражняяся въ томъ уже двацать пять лѣтъ. И такъ дай мнѣ полную власть во всемъ; тебѣ ни дѣлать, нписать ничего ненадобно, кто брата въ тюрьму велѣлъ посадить, тотъ уже даетъ знать, что онъ на сестрѣ его жениться нехочетъ.

Клавиго. Нѣтъ Карлосъ! какъ бы то нибыло, а я етого нехочу. Бомарше человѣкъ предостойный, и ему ненадлѣжитъ въ гнусной тюрьмѣ будучи невиннымъ, изсохнуть. Другое предложеніе Карлосъ, другое!

Карлосъ. Па! Па! ребячество! мы его несъѣдимъ, онъ будетъ сохраненъ и сбереженъ, да ето и недолго продолжится. Ты увидишъ, что театральная его горячность спрячется, какъ онъ узнаетъ, что дѣло то не на

шутку, возвратится во Францію и будетъ весьма благодарить, если сестрѣ его опредѣлятъ ежегодное содержаніе, что единственно можетъ быть, его-и безпокоило.

Клавиго. Ну, такъ и быть! только поступай съ нимъ хорошо.

Карлосъ. Будь покоенъ — еще одна предосторожность! нельзя знать, непронюхаетъ ли онъ сего, а тутъ онъ собьетъ тебя съ пути и всѣ труды наши будутъ безплодны; для того оставь ты твой домъ, такъ, что бы ни одинъ лакей незналъ куда ты скрылся; вѣли только самое нужнѣйшее уложить, а я къ тебѣ пришлю малаго, который то отнесетъ, а тебя проводитъ туды, гдѣ тебя и самъ чортъ ненайдетъ. У меня всегда въ запасѣ несколько такихъ норъ. Прощай!

Клавиго. Прощай!

Карлосъ. Смѣло! небойся! какъ все пройдетъ, то мы повеселимся.

(*уходятъ*).

КОМНАТА ВЪ ГИЛЬБЕРТОВОМЪ ДОМѢ.

Софія Гильбертъ. Марія де Бомарше.

(*Съ работою*)

Марія. Буенко ушокъ въ такой запальчивости?

 Со-

Софія. Ето естественно. Онъ тебя любитъ, такъ могъ ли онъ сносить присудствіе такого человѣка, котораго онъ сугубо ненавидѣть долженъ?

Марія. Я лутчаго, добродѣтельнѣйшаго человѣка незнавала. (*Работу свою показывая*) Мнѣ кажется, такъ сдѣлать? Я ето сюды приколю; ето будетъ хорошо.

Софія. Очень хорошо, а я приколю ету ленточку. — Ты улыбаешся?

Марія Я себѣ смѣюсь. Мы женщины мудреный народъ, лишъ только чуть оправимся, то у насъ тотчасъ наряды и ленты въ головѣ.

Софія. Етого ты просебя сказать неможешъ; съ самой той минуты, какъ Клавиго тебя оставилъ, ничто неможетъ тебя веселить.

Марія (*изпугалась и смотритъ на дверь*)

Софія. Что тебѣ сдѣлалось?

Марія (*въ одышкѣ*). Я думала, что кто пришелъ. Бѣдное мое сердце! оно меня умертвитъ. Пощупай, какъ оно, отъ пустова страха, трепещетъ.

Софія. Успокойся; ты блѣднѣешъ, прошу тебя любезнѣйшая, успокойся!

Марія.

Марія (*показывая на грудь*). Тутъ меня давитъ; это меня умертвитъ.

Софія. Поберегги себя.

Марія. Какая я странная — нещастная! скорбь поразила бѣдную мою жизнь. Я тебѣ сказываю, что удовольствіе мое, видя его возвращеннаго ко мнѣ, несовершенно, и благополучіе ожидающее меня въ его объятіяхъ я мало буду вкушать, а можетъ быть и никогда.

Софія. Сестра! дражайшая сестра! ты сама сими мыслями себя снедаешъ.

Марія. Почто мнѣ себя обманывать?

Софія. Ты молода и щасглива и можешъ надѣеться.

Марія. Надежда! о сіе единственное услажденіе человѣческія жизни, часто оживотворяетъ мою душу. Часто сновидѣнія представляютъ мнѣ любезный образъ несравненнаго того, который теперь будетъ опять моимъ. О Софія какъ онъ прелестенъ! съ тѣхъ поръ, какъ я его невидала, онъ перемѣнился, онъ — я незнаю какъ сіе изъяснить — его великія дарованія, которыя прежде покрыты были его смиреніемъ нынѣ обнажились, онъ сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ и ему надобно всѣ сердца пленить симъ чистымъ чувствованіемъ самаго себя, въ которомъ онъ безъ гор-

дости, безъ тщеславія предстоитъ — а ему быть моимъ? — Нѣтъ сестрица! я была его недостойна тогда, а теперь еще менѣе! —

Софія. Поди за него и будь щастлива — братъ идетъ!

Бомарше. *приходитъ.*

Бомарше. Гдѣ Гильбертъ?

Софія. Онъ уже давно ушолъ и конечно скоро возвратится.

Марія. Что съ тобою сдѣлалось братецъ! (*Вставая и упадая къ нему нашею*) любезный братъ! что съ тобою сдѣлалось?

Бомарше. Ничего! пусти меня любезная Марія?

Марія. Если я твоя любезная Марія, то скажи, что утебя насердцѣ.

Софія. Оставь его въ покое, мущины иногда имѣютъ дурной видъ, хотя на сердцѣ у нихъ и ничего дурнова нѣтъ.

Марія. Нѣтъ! нѣтъ! я тебя вижу очень недавно, новидъ твой мнѣ изъясняетъ всѣ твои мысли, чувствованія безпритворныя и не порочныя души твоей начертанны на лицѣ твоемъ. У Тебя есть что нибудь, что тебя безпокоитъ; скажи что такое?

Бомарше

Бомарше. Ничего любезная моя! я уповаю что сіе ничего не значитъ. Клавиго —

Марія. Что?

Бомарше. Я былъ у Клавиго, а его дома нѣтъ.

Софія. А сіе тебя тревожитъ.

Бомарше. Дворникъ его сказалъ, что онъ уѣхалъ незнаетъ куды, и никто незнаетъ на долголи. Если онъ не сказывается! — Если онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ! почто? зачемъ?

Марія. Мы подождемъ.

Бомарше. Языкъ твой говоритъ не праву. Бледность лица твоего, трепетаніе твоихъ членовъ, показуютъ, что ты сего пережадать не можешъ. Любѣзнѣйшая сестра! (*обнимая ее*) Симъ біющимся, трепещущимся сердцемъ клянусь тебѣ! услышимя Боже! услышите мя всѣ его святые! ты будешъ отмщенна, если — всѣ чувства мои хладѣютъ присемъ воображеніи — Если онъ изменитъ, если онъ въ сугубое впадетъ вѣроломство, если онъ нашему нещастію посмѣется —. Нѣтъ. Сіе быть не можетъ, сіе не возможно — Ты будешъ отмщенна.

Софія Все сіе рано, поспешно, пощади ее братецъ.

Марїя. (*садится*)

Софїя. Что ты? ты обмираешъ.

Марїя. Нѣтъ, нѣтъ, ты тотчасъ уже и безпокоишся

Софїя. (*Подавая ей стаканъ воды*) Выпей.

Марїя. Не трогай меня, на что ето? — ну — подай

Бомарше. Гдѣ Гильбертъ? гдѣ Буенко? пожалуй пошли за ними.

(*Софїя уходитъ.*)

Бомарше Каково тебѣ Марїя?

Марїя Такъ! ничего! развѣ ты думаешъ братецъ? — —

Бомарше Что? — Душа моя!

Марїя Ахъ!

Бомарше Ты задыхаешся.

Марїя Непрестанное бїенїе сердца духъ мнѣ занимаетъ.

Бомарше. Нѣтъ ли увасъ чего? не принять ли тебѣ лекарства?

Марїя Для меня одно только лѣкарство насвѣтѣ, о которомъ уже я давно Бога прошу.

Бомарше. Ты его получишъ и я надѣюсь изъ моихъ рукъ.

Марїя.

Марія. Хорошо!

Софія приходитъ

Вотъ курьеръ пріѣхавшій изъ Аранжуеца подалъ мнѣ сіе письмо.

Бомарше. Рука и печать нашего посла.

Софія. Я ему говорила чтобъ онъ у насъ остановился, и выпилъ бы чего нибудь, но онъ уѣхалъ сказавъ, что ему много писемъ еще развозить.

Марія. Пошли сестрица за докторомъ.

Софія развѣ ты не можешъ? о Боже! что съ тобою сдѣлалось?

Марія. Ты меня наконецъ до того доведешъ, что я не осмелюсь и воды по просить — Софія! — Братецъ! — Что написано въ письмѣ? посмотри какъ онъ трепещетъ? въ какомъ онъ отчаяніи!

Софія. Братецъ! любезный братъ!

Бомарше. (*Упадаетъ въ безмолвіи на стулъ выронивъ изъ рукъ лисмо*)

Софія. Любезный братъ! (*Подымаетъ лисьмо и читаетъ*)

Марія. Дай мнѣ его посмотрѣть! мнѣ должно — — (*хочетъ встать но не в силахъ*) увы! я чувствую! ето послѣднее. Сестра умило

лосердись! — послѣдней, скоропостижный ударъ смерти! — онъ измѣнилъ! —

Бомарше (*вдругъ вставая*). Онъ измѣнилъ! (*ударяя себя въ лобъ и въ грудь*) тутъ! тутъ все такъ пусто, такъ мертво, какъ будто громовая стрѣла поразила всѣ мои чувства! Марія! Марія! ты предана! — а я здѣсь стою! — куды? — что? — я ничего невижу! — ничего! никакого пути! никакого избавленія! (*упадаетъ въ креслы*).

Гильбертъ *приходитъ*.

Софія. Гильбертъ! совѣтуй! помогай! мы погибли!

Гильбертъ. Что ты? — Жена!

Софія. Прочти! прочти! Посолъ нашъ пишетъ къ брату, что Клавиго подалъ на него челобитную, что будто онъ вошелъ подъ чужимъ имянемъ къ нему въ домъ и пистолетъ приставя къ нему принудилъ его дать оскорбительное дляпего объявленіе, и что если братъ нескоро изъ сего королевства удалится, то его повлекутъ въ темницу, изъ которой можетъ быть, и посолъ нашъ не въ силахъ его избавить.

Бомарше (*вдругъ вставая*). Пускай, пускай, они меня повлекутъ въ темницу! но съ трупа, съ одра его на которомъ я себя кро-

вїю его напою — ахъ! я наполненъ лютѣйшею, ужаснѣйшею жаждою, насытить себя его кровїю. Благодарю тебя о боже! что ты человѣку среди терзающаго, нестерпимѣйшаго страданїя ниспослалъ услажденїе. Колико чувствую я алчущее мщенїе въ груди моей! какъ исторгаетъ сїе чувствованїе, и желанїе видѣть стремящуюся кровь его, меня, изъ моего изумленїя, изъ моей нерешимости! какъ оно превозноситъ меня надъ самимъ собою! Мщенїе! — какъ я доволенъ! все уменя за нимъ стремится, его схватить, его уничтожить.

Софїя. Братецъ! ты страшенъ!

Бомарше. Тѣмъ лутче! — Увы! безъ шпаги! безъ оружїя! Сими руками я его удавлю, дабы сїе прїятное чувствованїе во мнѣ пребывало, что я его одинъ безпосредственно уничтожилъ.

Марїя. Сердце мое! бѣдное мое сердце!

Бомарше. Я тебя немогъ защитить, такъ будьже ты отмщенна. Обонянїе мое стремится по его слѣдамъ, зубами я мясо его изгрызу, и кровїю его утолю мою жажду. Что не дикїили я звѣрь? Во всѣхъ моихъ жилахъ пылаетъ лютѣйшая противъ него ярость! — Я бы того вѣчно ненавидѣлъ, ктобы его теперь отравилъ или убилъ до смерти. О помоги мнѣ Гильбертъ его сыскать! гдѣ Буенко помогите мнѣ его найти!

Гиль-

Гильбертъ. Спасися! спасися! ты въ изумленіи.

Марія. Беги любезный братъ!

Бомарше. Нѣтъ! лишъ бы онъ мнѣ попался! я его долженъ найти! О если бы онъ тамъ былъ! тамъ заморемъ! я бы его живаго поималъ, привязалъ бы его къ столбу, и раздробляя на мѣлкіе части его члены, жарилъ бы ихъ въ глазахъ его, и насытивъ бы себя, и вамъ бы ихъ предложилъ.

Софія. Отведите его, онъ сестру уморитъ.

Буенко приходитъ.

Буенко. Ступай сударь! бѣги! я сіе предвидѣлъ, я все примѣчалъ. А теперь, тебя ищутъ и если ты не оставишъ сію минуту городъ, то ты погибшій человѣкъ.

Бомарше. Ни когда! — Гдѣ Клавиго?

Буенко. Незнаю.

Бомарше. Ты знаешъ. Я тебя наколенахъ прошу, скажи мнѣ гдѣ онъ?

Софія. Ради Бога Буенко!

Марія Ахъ! увы! — Увы! (*упадаетъ*) Клавиго! — —

Софія Помогите! она умираетъ!

Буенко. Боже не оставь насъ! — Ступай! беги братецъ!

Бомар-

Бомарше. (*Упадаетъ къ Марïи, которая привсей помощи въ себя не приходитъ*) Тебя оставить! тебя оставить!

Софïя. Такъ останься здѣсь, и погуби насъ всѣхъ, такъ какъ ты Марïю умертвилъ. Ты погибла, дражайшая сестра, отъ братнина безумства!

Бомарше. Постой! — сестра!

Софïя. Защитникъ! — Мститель! — помоги самому себѣ!

Бомарше. Того ли я достоинъ?

Софïя. Возврати мнѣ ее! а потомъ ступай въ темницу! ступай на казнь! пролей! твою кровь, а ее мнѣ возврати!

Бомарше. Софïя!

Софïя. Увы! если она погибла, если она умерла — то спаси себя для насъ — (*упадая ему на шею*) Любезный братъ! спаси себя для насъ, для отца нашего! беги! спеши! ето часть ея; она свершилась. А мщенïе оставь всемогущему Богу.

Бомарше. (*упадая на Марïю*) Сестра! дражайшая сестра! (*Его отнимаютъ и онъ съ Буенко уходитъ а софïя вырывается у него и уходитъ замарïею которую уносятъ*)

Гилѣ.

Гильбертъ врачъ.

Софія (Приходя изъ комнаты въ которую отнесли марію) Уже поздно! ее уже нѣтъ она скончалась!

Гильбертъ. Пожалуйте государь мой! посмотрите сами! не возможно (уходитъ).

Конецъ четвертаго дѣйствія.

Дѣй-

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

УЛИЦА ПРЕДЪ ДОМОМЪ ГИЛЬБЕРТА.

Ночь.

Домъ отворенъ а передъ дверьми стоятъ три человѣка въ черныхъ епанчахъ съ факалами. Клавиго идетъ по улицѣ въ плащѣ подъ которымъ шпага, а ему предслѣдуетъ лакей его съ факалою.

Клавиго. Я вить тебѣ приказалъ эту улицу обойти.

Лакей. Намъ бы крюкъ очень великъ былъ, а вы такъ сударь, спешите, Карлосъ не далеко отъ сюда живетъ.

Клавиго. Тамъ факалы!

Лакей. Похараны, пожалуйте сударь.

Клавиго. Маріинъ домъ! похороны! смертный ужасъ простирается по всѣмъ моимъ членамъ, поди спроси чье похороны?

Лакей (*людямъ*) Чье похороны?

Люди. Маріи де Бомарше.

Клавиго (*Завернувшись въ плащь садится на камень*)

Лакей. (*Клавигу*) Похороны сударь, Марїи де Бомарше.

Клавиго (*вскочивъ*). Надобно развѣ тебѣ сїе повторять проклятый! повторять ударъ поражающїй всѣ мои члены!

Лакей. Тихонько сударь, пожалуйте, разсудите въ какой вы опасности.

Клавиго. Поди во адъ! а я здѣсь остаюсь.

Лакей. О Карлосъ! кабы мнѣ тебя найтить! Карлосъ! онъ внѣ себя (*уходитъ*).

Клавиго, въ дали похороны.

Клавиго. Мертва! Марїя мертва! тамъ факалы, герестные ея спутники! — Нѣтъ! это колдовство, ночное привиденїе меня страшитъ, кажетъ мнѣ въ зеркалѣ конецъ моего вѣроломства, что бы я его предъузналъ. — Теперь еще время! еще время! — трепещу — духъ мой изнемогаетъ въ ужасѣ! нѣтъ! нѣтъ ты неумрешъ! я приду! приду! — Исчезните нечистые духи! встречающїяся мнѣ ужасными страшилищами! — (*Идетъ на людей*) Исчезните! — они неподвижны! а! они на меня смотрятъ! увы! увы! они подобные мнѣ люди! — правда — правда! — можешъ ли ты сїе умомъ своимъ постигнуть? Она мертва — она мертва — Сїе поражаетъ меня всемъ ужасомъ ночи! се повержевъ къ ногамъ тво-

твоимъ сей цвѣтъ — а ты — сжалься, сжалься надо мною боже! я ее не умертвилъ! — Скройтесь звѣзды, незрите на меня вы многократно видѣвшiе сего преступника исходящаго въ совершенномъ удовольствiи изъ сего дома, восхищающаго на сей же улицѣ пѣнiемъ и музыкою и воспламенюющаго тайно слушающую Марiю — а нынѣ наполняешъ ты домъ сей скорбiю и воплемъ! а сiе зрѣлище благополучiя твоего, пенiями погребенiя! — Марiя! Марiя! возми меня съ собою! возми меня съ с б ю! (*лѣ алѣная музыка слышна въ домѣ, которая тотъ часъ и пер ста тъ*) Они предпрiемлютъ путь къ могилѣ — стой — стой! не замыкайте гроб ; дайте мнѣ на нее еще взглянуть! (*онъ идетъ къ дому*) Увы кому дерзаю я предстать? Кому дерзаю я въ ужаснѣйшей скорби встрѣтиться? — Ея друзьямъ! ея брату! котораго терзающая печаль снѣдаетъ! (*музыка опять начинается и вскоре паки перестаетъ*) Она меня зоветъ! она меня зоветъ! я иду! — Какой стр хъ объемлетъ мою душу! какой трепетъ удерживаетъ меня! (*музыка печальнѣйшая въ третiй разъ начинается и продолжается. Люди съ факалами отъ дверей отступаютъ; Къ нимъ приходятъ еще троя, и ст въ въ порядокъ идутъ, а за ними шесть человѣкъ несутъ на одрѣ закрытый гробъ Марiи, которому Гильбертъ и Буенко въ глубокомъ траурѣ последуютъ*)

Клавиго. Стойте!

Гильбертъ. Какой голосъ!

Клавиго. Стойте! (*погребенїе останавливается и музыка перестаетъ*)

Буенко. Кто отваживается сїе почтенное шествїе остановлять?

Клавиго. Поставте гробъ.

Гильбертъ. А!

Буенко. Негодный! развѣ злодѣянїямъ твоимъ конца не будетъ? Развѣ жертвѣ твоей и во гробѣ отъ тебя покоя нѣтъ?

Клавиго. Пустите; не приведите меня въ бѣшенство! нещасные опасны! мнѣ надобно ее увидѣть! (*покровъ и крышку съ гроба скидаетъ; Марїя лѣжитъ въ бѣлой одеждѣ, руки ея крестообразно сложены, Клавиго бросается назадъ и скрываетъ лице свое*)

Буенко. Не хочешъ ли ты ее разбудить, дабы умертвить ее вторично?

Клавиго. Бѣдный ругатель! — Марїя! [*упадаетъ на гробъ*]

Бомарше *приходитъ*

Бомарше. Буенко меня оставилъ; она жива говорятъ, мнѣ надобно ее видѣть, во что бы то ни стало! я долженъ ее видѣть! Факалы! похороны! (*увидя гробъ упадаетъ на него*

него въ изумленіи, его подымаютъ, а Гильбертъ держитъ.)

Клавиго (*на другой сторонѣ гроба подымаяся*) Марія! Марія!

Бомарше (*вдругъ опамятавшись*). Его голосъ! кто зоветъ Марію? Со звономъ сего голоса какая пылающая ярость влiялась въ кровь мою?

Клавиго. Ето я.

Бомарше (*свирѣпый взоръ на него мещетъ и беретъ шпагу, а Гильбертъ его удерживаетъ.*)

Клавиго. Я не страшусь твоихъ пылающихъ очей и конца твоей шпаги! Взгляни сюды виждъ сіи скрытые очи, сіи сложенные руки

Бомарше. Ты мнѣ сіе показуешъ? (*онъ вырывается, бросается на Клавиго съ овнаженною шпагою; они дерутся и онъ поражаетъ Клавиго въ грудь.*)

Клавиго (*упадая на гробъ*) благодарю тебя любезный братъ! ты насъ вѣнчаешь.

Бомарше (*его отталкивая*) Прочь отъ сея праведныя, проклятый!

Клавиго. Увы! (*люди его поддерживаютъ*)

Бомарше. Кровь! — — взгляни Марія! взгляни на твою свадебную одежду, а потомъ сомкни твои очи на всегда. Посмотри какъ я обагрилъ твой одръ кровію твоего убійцы! прекрасно прекрасно!

Софія приходитъ.

Софія. Братецъ! Боже что сдѣлалось?

Бомарше. Поди ближе дражайшая! и посмотри. Я думалъ ея ложе усыпать цвѣтами, взгляни на сіи цвѣты, которыми я ее въ путь къ небу украсилъ.

Софія. Мы погибли.

Клавиго. Спаси себя безразсудный! спаси себя до разсвѣту! Богъ пославшій тебя сюды мстителемъ да поможетъ тебѣ! — Софія прости мнѣ. — Любезный братъ — Друзья мои — Простите мнѣ!

Бомарше. Стремящаяся его кровь погасаетъ въ сердцѣ моемъ все пылающее мщеніе; съ его истекающею жизнію исчезаетъ вся моя злоба (*идучи къ Клавиго.* Умри я тебѣ прощаю!

Клавиго. Руку твою! и твою Софія! и вашу! (*Буенко въ нерѣшимости*)

Софія. Подай ему ее.

Клавиго. Благодарю тебя! ты все таже благодарю васъ всѣхъ! и естьли ты дугъ

моей

моей любезной присудствуешъ у сего одра, то воззри на низъ, виждъ сiе небесное милое сердце, благослови оное и прости мнѣ также — — Я послѣдую! — Я послѣдую тебѣ! Спаси, ся любезный! братъ! — Скажите мнѣ простила ли она мнѣ? — Какъ она умерла? —

Софiя. Послѣднее ея слово было нещастное твое имя, она отошла не простясь съ нами.

Клавиго. Я ей послѣдую!

Карлосъ и Лакей приходитъ

Карлосъ. Клавиго! Убiйцы?

Клавиго. Послушай Карлосъ! ты видишь здѣсь жертву твоихъ умствованiй. — И такъ ради крови, съ которой жизнь моя истекаетъ, спаси моего брата! —

Карлосъ. Другъ мой ты стоишь! бѣги за лекаремъ! (*лакей уходитъ*)

Клавиго. Тщетно то будетъ, спаси, спаси нещастнаго моего брата! — Дай мнѣ во увѣренiе твою руку, они мнѣ простили, такъ и я тебѣ прощаю. Проводи его до границы и — Ахъ!

Карлосъ. (*Толкая ногой*) Клавиго! Клавиго!

Клавиго. (*Приближаяся ко гробу на которой его опускают*) Марія! руку твою! (*онъ разымаетъ Маріины руки и беретъ правую*)

Софія (*Брату*) Бѣги, удались нещастный!

Клавиго. Я держу ея руку! ея холодную, мертвую руку! ты моя — еще сіе цѣлованіе. Ахъ!

Софія Онъ умираетъ. Спасайся братецъ!

Бомарше. (*Упадаетъ на Софію*)

Софія. Мой духъ изнемогаетъ.

Конецъ трагедіи.

Погрѣшности.

Ст.	строк.	напечатано	читай.
19	8	довлѣетъ	надлѣжитъ
23	3	онѣ	они
24	11	умножаетъ	умножается
27	3	жестосердъ	жестокосердъ.
53	18	нядѣется	надѣется.

